

Марина Колесова

Радиоволна,
или Соло втроем

Марина Колесова

Радиоволна, или Соло втроем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29421318

SelfPub; 2018

Аннотация

Влюбиться всего лишь в голос на первый взгляд невозможно. Но одна из моих героинь полюбила именно так. При этом реальная встреча ее нисколько не разочаровала. Однако разочаровала ее тетю, узнавшую в возлюбленном племянницы собственного давнего ухажера.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Часть первая

– Нет, ну какая несправедливость! – в сердцах проговорила Ирина и с раздражением запустила небольшую гобеленовую подушку в музыкальный центр. Подушка попала удачно. Захочешь повторить и то не сможешь. Прямо по кнопке отключения питания, и центр тут же выключился.

«Вырубился, ну и к лучшему» – подумала Ирина и, свернувшись калачиком на кровати и укутавшись плотнее в плед, принялась размышлять над несправедливостью судьбы.

Несправедливость заключалась в том, что на любимой радиостанции вечерний эфир вести начал не как обычно Дмитрий Голубев, а Нина Воскресенская. И пережить это Ирине было чрезвычайно трудно.

Ведь она готовилась к каждому эфиру любимого радиоведущего как к свиданию с ним. Её завораживал его мягкий баритон, а также легкий и немного ироничный стиль ведения эфира. Она помнила все его шутки и сопереживала всем новостям, будто он их говорил не целой стране, а лично ей одной – Ирине Заслоновой. Ей и больше никому. Каждый эфир она хотела ему позвонить, даже телефон рядом с собой на кровать ставила. Хотела, но не могла. Как только она под-

нимала трубку, в горле пересыхало, а мысли начинали скакать как бешенные. И Ирина понимала, что даже если сейчас дозвонится в эфир, сказать она все равно ничего не сможет. Даже по бумажке заготовленный текст (уж сколько раз пыталась написать) и то не прочтет.

«Интересно, почему все же не он... – думала Ирина, – может, заболел?»

Мысль о возможной болезни Дмитрия её взволновала. Вдруг ему сейчас плохо, и он один страдает, и даже чай с лимоном для него заварить некому? Вот если бы она могла оказаться рядом с ним, она бы и чай заварила, и поесть приготовила. Ведь это, наверное, так приятно готовить для любимого человека. Когда он в ответ на заботу ласково поцелует тебя и шепнет на ушко какую-нибудь двусмысленную шутку по поводу, что остаток вечера лучше провести не на кухне, а в спальне... Не то, что готовить для вечно всем недовольной тети Риты. От нее ведь и доброго слова не дождешься. Только и знает, что шпынять. Это не сделала, то сделала не так. Мысли привычно съехали на жалость к себе и оплакивание собственной горькой участи. Но вот за что её так обделила природа. Ни броской внешности, как у тети, ни способностей как у той... Вот была бы она как тетя ведуньей, а так приходится быть у нее на побегушках, постоянно выслушивая упреки, что её пригрели и держат лишь из жалости. Порой это доставало её так, что хотелось все бросить и уехать. Только уезжать было некуда. Дом матери в деревне

совсем развалился после смерти той. А денег на его ремонт ей не достать. А если и достать, менять городскую жизнь со всеми удобствами на деревенскую – радость не велика. Да и что ей в деревне делать? Мужа-алкоголика какого заиметь, вроде её собственного папочки, который по пьяни утонул в реке, когда ей еще и двенадцати не было, и корячиться всю жизнь на ферме как мать? Нет в деревне жизнь не для нее. Но и в городе, жизнь оказалась не по ней. Её пугало обилие незнакомых людей, их постоянная суета, необходимость тоже куда-то бежать и что-то непрерывно делать. Для нее даже поход в ближайший магазин раз в день был великим подвигом, который она совершала, лишь боясь гнева своей волевой и строгой тети. Попробуй не сходи – вечером такой нагоняй получишь, что небо с овчинку покажется.

Одним словом судьба к Ирине Заслоновой была несправедлива, а жизнь её безрадостна и уныла. Единственным ярким пятном были вечерние эфиры с любимым ведущим, которые начинались за два часа до возвращения тети домой и шли как раз до её прихода. Ирина едва успевала выключить приемник и метнуться на кухню, изображая, что с нетерпением ждет возвращения домой тетушки, чтобы покормить ужином. И вот сегодня её лишили обычной маленькой радости, поэтому Ира была безутешна. Жалость к себе затопила все её сознание и в мыслях о несправедливости мироустройства она незаметно для себя заснула.

Проснулась она от громких воплей:

– Ирка! Дурья твоя башка, мало того, что ты снова продукты хорошие переводишь, так опять новую сковородку спалила! Ты что не чувствуешь что ли, что от гари уже дышать нечем???

Или ты нарочно решила пожар устроить?

Иру просто подбросило на кровати. Судорожно втянув носом воздух, она поняла, что забыла выключить котлеты.

– Я не нарочно, тетя Рита, – она выскочила на кухню.

Тетя в сапогах, пальто и шляпке, распахивала тем временем окно.

– А как? Специально? – раздраженно повернулась она к ней. – Ну вот как можно не почувствовать такой запах?

– Я уснула... – Ира потупилась.

– Это зачем, позволь узнать, ты котлеты поставила жариться, если решила пойти лечь спать?

– Я их пожарила... а выключить забыла... а потом уснула... – тихо пояснила она.

– Это за сколько до моего прихода ты их пожарить решила, что они так сгореть смогли?

– За два часа... – еще тише выдохнула Ира. Она знала тетью обмануть невозможно, и ложь её раздражает до крайности, поэтому врать не решилась.

– Зачем? Зачем жарить магазинные котлеты за два часа до того как их можно будет съесть? Объясни мне: зачем? Я поняла бы, если бы ты сама их делала... ну трудно рассчитать, сколько времени займет: прокрутить фарш, все смешать, пожарить... тут хоть как-то понятно... А здесь? Достать из упа-

ковки две котлеты, и положить на сковороду за пятнадцать минут до моего прихода, это что так трудно? Зачем жарить, а потом подогреть?

Тетя уперлась в нее испытующим взглядом. Ира молчала. А что она могла сказать? Ну не объяснять же тете, что она жарит котлеты заранее, потому что не хочет отвлекаться от эфира, ведь на кухне нет радиоприемника.

Не дождавшись ответа, тетя горестно покачала головой и, проронив: – Ну что же за наказание такое свалилось на мою голову... – вышла в коридор, чтобы, наконец, снять уличную одежду.

Ира, зябко поеживаясь от сырого и прохладного осеннего воздуха, врывающегося в окно, робко застыла посреди кухни, не зная, что делать дальше.

Через некоторое время тетя вновь заглянула на кухню:

– Ну что столбом стоишь? Иди к себе в комнату, а то еще простынешь, не дай Бог, горе ты мое луковое.

– А ужин? – Ира несмело взглянула на нее.

Высокая, статная тетя даже в тапочках не теряла импозантности.

– Иди, – потрянула она своими шикарными каштановыми кудрями. – Протянет тут немного, и я макароны поставлю отвариваться. Макароны с тобой поедим, раз ты и котлеты, и сковороду спалила.

– Да я тоже макароны отварить могу...

– Иди уже, – тетя раздраженно поморщилась, и её зеле-

ные ведовские глаза сердито блеснули, – ты уже наготовила сегодня. Хватит.

Посчитав за благо не спорить, Ира тихо скользнула обратно в свою комнату. И, забравшись с ногами в кресло, стала вновь размышлять над своей печальной судьбой.

Примерно через полчаса тетя позвала ее.

– Ирина, иди есть!

Она выглянула из своей комнаты. Тетя суетилась в гостиной, накрывая на стол, на котором уже дымилось блюдо с макаронами. Ира только шагнула к столу, как тетя сурово одернула ее:

– Руки иди вымой! Сколько раз говорить, что перед едой руки мыть положено?!

Ира безропотно отправилась в ванную, а когда выходила оттуда тетя крикнула ей:

– Ир, масло сливочное из холодильника захвати.

Испуганно втянув голову в плечи, Ира шагнула к двери гостиной:

– А у нас нет масла, тетя Рита.

– Почему? – тетя удивленно воззрилась на нее: – Я же оставила тебе подробный список, что купить в магазине. Ты в магазин не ходила?

– Ходила. Но там не было вологодского масла.

– Купила бы другое...

– Я не знала какое.

Тетя, возведя глаза к потолку, медленно опустилась на стул и тяжело вздохнула. Потом, вновь взглянув на племянницу, тихо спросила:

– Ирина, если в том магазине, где ты была, не было вологодского масла, то ты могла или сходить в другой магазин, или с мобильного позвонить мне, чтобы спросить какое еще масло можно купить взамен вологодского. Почему ты не сделала это?

Ира, потупившись, молчала. Какой толк объяснять тете, что в другой магазин она пойти не сообразила и мобильный с собой в магазин не брала. Да если б и взяла, звонить ей все равно бы не стала. Ей хватило того, как тетя неделю назад сурово отчитала её за несвоевременный звонок во время совещания. Как будто Ира могла знать, когда совещание, а когда нет...

– Ладно, – тетя сокрушенно покачала головой, – садись. Будем есть макароны без масла. Что с тебя взять. В следующий раз буду писать, что покупать, если вдруг нужного продукта в магазине не окажется.

Ира села и, наложив макароны себе в тарелку, принялась за еду. Тетя придвинула к ней тарелку с нарезанными помидорами и огурцами:

– Овощи бери, что пустые макароны есть...

– А можно я не буду овощи, а возьму молоко и сахарный

песок? Я люблю макароны с сахарным песком.

– Бери, что хочешь. Я, по-моему, ни холодильник, ни шкафы на ключ не закрываю, – тетя недоуменно пожалала плечами.

Ирина встала и прошла на кухню, еще хранившую устойчивый запах сторовших котлет. Налив стакан молока и захватив сахарницу, она вернулась в гостиную.

Тетя, оставив пустую тарелку, сидела, откинувшись на высокую спинку стула, и листала модный журнал. Ира знала эту её привычку. Поев, тетя некоторое время, не вставая из-за стола, просматривала журналы, а потом просила заварить чай.

Поставив молоко, Ира начала сахарить макароны и тут её заинтересовала картинка на развороте журнала. Пытаясь кверху ногами рассмотреть изображение, она резко поставила сахарницу прямо на стакан с молоком. Стакан с дребезгом раскололся, а молоко плеснулось на стол.

Тетя испуганно вскочила, стряхивая рукой капли молока со своего костюма и недоуменно переводя взгляд с белой лужи, растекающейся по столу на замершую Ирину с сахарницей в руке. Потом резко метнулась к шкафу, достала тряпку и стала вытирать стол и собирать осколки, бросив раздраженно:

– Поставь сахарницу, сядь и доешь, наконец!

Нервно сглотнув, Ира села и придвинув поближе тарелку, принялась за еду. Ей было не по себе, и она старалась съесть

все как можно быстрее.

Наведя на столе порядок и выбросив осколки, тетя села напротив и тихо проговорила:

– Не давайся. Я не тороплюсь и подожду, чтобы ты доела, и мы могли спокойно обсудить все случившееся.

Ира запихнула в рот последнюю порцию макарон и отодвинула тарелку:

– Я доела, тетя.

– Тарелки на кухню отнеси.

Ира молча встала, отнесла тарелки, вернулась и села вновь. Она знала, что её ждет длительная воспитательная беседа и никуда ей от нее не деться.

Однако тетя, нервно постукивая пальцами по краю стола, молчала. Ира молчала тоже. Наконец та, нервно сглотнув, хрипло проговорила:

– Мне это все надоело, племянница.

И Ира не узнала её голоса. В нем не было ни обычного уверенного спокойствия, ни привычного напора. Впервые в жизни Ирина услышала в голосе своей тетки то ли растерянность, то ли отчаяние.

– Ну я же не нарочно, тетя... – испуганно прижала она руки к груди, – я, конечно, понимаю, что и стол очень дорогой, и костюм Ваш... но я правда не нарочно...

– Дело не в столе, хоть он и достался мне еще от твоего деда и дорог не только тем, что это очень ценный мореный резной дуб, но и как память... и уж конечно не в костюме...

мне вообще плевать на него... Дело в том, что наши с тобой отношения, племянница, зашли в тупик. Ты видно столь же бестолкова, как и мать твоя, и разумной самостоятельности от тебя ждать не приходится. Хоть та бестолкова была как раз не в этом... Но в любом случае, похоже, что послана ты мне Всевышним именно, за то, что когда-то, мать твою я образумить не позволила...

– Я ничего не поняла, тетя. О чем Вы? – растерянно пробормотала Ира.

– О том, что когда-то я не дала твою мать наставить на путь разумный и правильный. И видно сейчас расплачиваюсь за то. Вот скажи. Только честно скажи: она была счастлива? Хоть когда-то была?

– К чему Вы это, тетя Рита? – Ира недоуменно вскинула брови.

– Ответь! Твоя мать была счастлива? – требовательно повторила тетка.

– Ну не знаю... вряд ли... – растерянно пожала плечами она в ответ.

– Вот. Я всегда подозревала это... Всегда! Только она гордая была и предпочитала не жаловаться, а лично расплачиваться за собственную бестолковость... Только и мне видно теперь время расплатиться пришло. Но ничего, выводы я сделала. И то, что я по дурости, ну и глупой солидарности детской допустила, больше не допущу. Тебе я не позволю этот номер повторить! Тебя я заставлю за ум взяться! Хоть

и нет у тебя дара, но и без него в жизни много чего добиться можно. И я заставлю тебя это сделать. Силой заставлю! – тетья до побелевших пальцев сжала лежащую рядом с ней салфетку, в её глазах сверкала решимость.

– Тетья... я не понимаю ничего, – Ира испуганно хлопнула носом, её напугал такой настрой тети.

– А тут и понимать нечего, – та раздраженно отбросила в сторону салфетку, – когда-то давно я не дала нашему отцу силой твою мать образумить. Мне казалось, у каждого человека есть право свой собственный путь выбирать. Как оказалось, я ошиблась и обрекла Нину на долгие годы безрадостной и тяжелой жизни. Что ж постараюсь эту ошибку не повторить с тобой.

– Вы обрекли? – удивилась Ира. – Вы же младше мамы были... и намного...

– Ну пять лет не такая уж большая разница, – хмыкнула тетья. – Мне тринадцать тогда было, ну а ей соответственно восемнадцать. Так что обе уже в разуме были.

Любопытство пересилило природную застенчивость, и Ира не удержалась от вопроса:

– Тетья, а что произошло?

– Думаю, тебе не повредит узнать о том, – тетья задумчиво коснулась волос на виске длинными тонкими пальцами с великолепным маникюром. – Кстати, то, что Нина, как я поняла, не рассказывала тебе ничего, для меня тоже факт, подтверждающий, что решение тогда мы приняли с ней непра-

вильное.

Тетя глубоко вздохнула и, печально качнув головой, начала рассказ:

– Ты ведь знаешь, что росли мы с Ниной без матери, она умерла моими родами. И воспитывал нас обоих отец. Времени много уделять он нам не мог, и были мы с ней в основном предоставлены сами себе. Отец, конечно, знал, что дар у нас обоих с ней есть, и старался заставить его развиваться, но это не мешало нам расти, что в поле трава.

– У мамы был дар предвидения? Я не знала об этом никогда, – удивленно протянула Ира.

– Когда ты родилась – уже не было. У женщин в нашем роду пропадает он с рождением ребенка. И детям лишь через поколение передается, если у мужа дара нет.

– Почему?

– Ты задаешь странные вопросы, – тетя раздраженно повела плечом. – Откуда я знаю почему? Просто случается так и все. Кстати, у тебя все шансы ребенка с даром родить.

– Выходит, мама от дара отказалась, чтобы меня родить?

– Нет, она отказалась от дара, чтоб за отца твоего замуж выскочить, – хмуро обронила тетя, и сердито поджала губы, – и я, как последняя дура, ей в этом поспособствовала.

– Это как?

– А так. Отправил нас наш отец в конце лета в деревню. Нина как раз школу закончила и в институт поступила. Вот он и решил, что и ей, и мне свежий воздух перед новым учеб-

ным годом хоть на месяц, но необходим. И снял он для нас комнату у одной старушки в деревне и попросил её за нами приглядывать. Воздух свежий, речка, лес – красота. Мы с Нинкой целыми днями то на речке, то в лесу пропадали, но только повстречался нам однажды гармонист местный. Весельчак и балагур со смоляными кудрями. По нему все окрестные девки сохли, а он лишь Нине стал внимание оказывать. Конечно же, городская приехала. Ну и она устоять не смогла. Тот бывало лишь к дому подойдет, да затянет:

Ой, пойду-выйду на улочку,
Постучу в окошечко к любушке.
Ты услышь мою песенку, милая,
Да и выйди ко мне, ненаглядная.

И Ниночка наша, готова уже была к нему не только на улицу бежать, а и на край света мчатся за ним вприпрыжку. Хозяйка, где мы жили, завидев такое дело, тут же отписала нашему отцу. Что так мол и так. Приезжайте, а то не ровен час, не услезу за Вашей старшенькой. Ну и отец приехал. Нинке конечно головомойку устроил и сказал, что поутру мы все домой поедем. Она в слезы: «Не поеду, мне жизнь без него не мила». А отец ей: тебе, мол, дорогая, не о парнях думать следует, а дар свой беречь и приумножать и институт закончить. Нинка тут и вовсе разошлась: «Не нужен мне никакой дар и институт не нужен, – рыдает, – если я ради них любовь свою сгубить должна. Ночью к нему сбегу. Хоть из окошка вылезу, а сбегу!». Тогда отец запер её в сарае и сказал, что

наильно увезет, чтоб она там не причитала. Ну а я по дурри, другого слова сейчас и не подберу, ночью у отца ключ стащила и Нину выпустила. Утром мне досталось, конечно, от отца, а вот Нину он искать не стал. Сказал, раз сбежала от него, нет у него больше такой дочери, пусть сама, как хочет, так и живет. Забрал меня, не став слушать никаких моих просьб простить ее, и уехали мы. Вскоре я узнала, что Нина вышла замуж за твоего отца, она написала нам. Но наш отец не простил её и мне с ней и видеться, и переписываться запретил. Я лишь после его смерти с ней общаться начала... Она тогда меня ни разу не упрекнула... мол сама решила, сама и расплачиваюсь,.. хотя я видела, что несладко ей живется. И от помощи моей всегда отказывалась. Лишь как-то обронила, что очень жалеет, что даже перед смертью отец её так и не простил... Кстати, после её побега он за мое воспитание взялся всерьез. Думаю, благодаря лишь этому я и институт закончила, и аспирантуру, и две диссертации по психологии и психоанализу написала и защитила. Да и работа у меня сейчас такая, тоже только благодаря той базе, что он в меня вложил. Так что скажу тебе, дорогая племянница, жизнь заставила меня понять: чувства – чувствами, но, чтобы жить хорошо, надо уметь их контролировать, и детей тому же учить. Возможно, насилие и не самый лучший способ образумить, но поверь мне – самый действенный. Поэтому отныне, моя дорогая, буду жестко заставлять и контролировать.

– Тетя Рита, но я же не сбегаяю никуда, – Ира непонимающе взглянула на нее.

– Не сбегает, – подтвердила та. – Но ты абсолютно не контролируешь свое поведение и, насколько я понимаю, не желаешь выполнять даже элементарные мои требования. Хватит мне тут этого твоего разгильдяйства. Я сыта им по горло. Я все ждала, что ты сама, попривыкнув к жизни со мной, за разум возьмешься, но как видно – напрасно. Ты не желаешь учиться, ты не интересуешься ничем. Ты целыми днями сидишь у себя в комнате и ни-че-го – это слово тетя произнесла по слогам, – не делаешь. Так нельзя! Как ты себе представляешь свою дальнейшую жизнь? Чего ты достигнешь, сидя в комнате, с приемником и телевизором в обнимку? Тебе уже восемнадцать. Ты совершеннолетняя, взрослая девушка, а ведешь себя как неразумное дитя. В общем все, Ирина. Мне надоело. К тому же я вижу к чему это приведет, если я не вмешаюсь... Вижу!

– Вы видите мое будущее? И что меня ждет? – Ира заинтересованно взглянула на тетку.

– Все не так однозначно, на будущее можно влиять. Но я вижу, что если все оставить, как есть, то повторишь ты безрадостную судьбу своей матери, причем опять же благодаря моему попустительству... – тетя нервно сглотнула.

– В что мне делать, чтобы её не повторить?

– Делом заняться! Делом! И посвятить себя не пустым мечтаниям и фантазиям, а достижению какой-то цели.

– Какой? – Ира испуганно вжала голову плечи, напор тетки её пугал.

– Что ты хочешь добиться в жизни? – не снижая натиска, устремила на нее взгляд тетя, – Кем ты хочешь стать?

– Ну не знаю... – растерянно пробормотала она.

– Хорошо, – тетя нахмурилась и, отведя взгляд, тихо забарабанила пальцами по краю стола. – Не хочешь сама искать занятие по душе, за тебя найду я и заставлю стать профессионалом своего дела. Таким, которого ценят, таким, который не пропадет ни в какой ситуации и будет независим.

– Вы хотите, чтобы я пошла работать?

– Нет, пока я хочу, чтобы ты пошла учиться.

– В институт? – несмело спросила Ира. Учеба давалась ей с трудом.

– Об институте тебе думать пока явно рано. Я видела твой аттестат, и если даже сельскую школу ты смогла закончить лишь с тройками, то о каком институте сейчас может идти речь? Нет, тебе надо получить для начала хотя бы хорошую и перспективную специальность. Таковую, чтобы ты уверенно чувствовала себя в жизни. А дальше сама решишь. Может, у тебя со временем тяга к знаниям все-таки проснется. Учиться ведь никогда не поздно.

– И куда Вы хотите, чтобы я пошла учиться?

– Есть у меня одна мысль, – тетя стремительно поднялась и вышла из гостиной.

А вскоре из холла зажурчал её мелодичный голос:

– Приветствую Вас, Алексей Борисович, это Святозарова Маргарита Всеволодовна Вас побеспокоила. По голосу узнали? Мне приятно это слышать... – она помолчала немного и продолжила: – Ну что Вы, не стоит о том, я была рада помочь. А ведь я к Вам с просьбой, Алексей Борисович. Я бы очень хотела к Вам на курсы племянницу мою устроить. Да, да, Алексей Борисович, прямо сейчас, на уже набранный курс, если можно... ну месяц отставания по программе, я думаю, она сможет нагнать постепенно. Я согласна оплачивать дополнительные занятия с ней педагогов. Бесплатно сами? Ну что Вы, Алексей Борисович... Я совсем не хотела Вас так утруждать, это явно лишнее... Хорошо-хорошо... да... да... прекрасно... это меня устроит... Тогда завтра я с ней подъеду, и все оплачу... Нет-нет, не надо никаких скидок. Лучше вместо скидок пообещайте информировать меня о процессе её обучения, чтобы обо всех возможных пропусках или о любых сложностях меня незамедлительно ставили в известность. Сами следить будете? Алексей Борисович, это будет крайне любезно с Вашей стороны... даже не знаю, как мне Вас благодарить... конечно-конечно... я тоже всегда рада слышать Ваш голос.

Закончив разговор, тетя вошла в гостиную:

– Значит так, Ирина, завтра мы едем с тобой на курсы, где обучают парикмахеров-стилистов. Я договорилась с директором, тебя примут на уже набранный курс. Первое время придется позаниматься, конечно, поинтенсивнее, чтобы

нагнать всю группу, но тебе помогут, директор мне это пообещал.

В голове у Иры тут же промелькнула картинка убогой и грязной комнатухи с разбитым зеркалом, где толстая хохотушка Нюрка в заляпанном халате стригла вечно поддатых мужиков.

– Тетя, но я не хочу быть парикмахером... мне не нравится эта специальность, – насупившись, выдохнула она.

– Это не обсуждается! – глаза тети зло сузились, а скулы напряглись. – Ты вообще ничего не хочешь кроме валяния на кровати, так что только попробуй хоть одно занятие прогулять – пожалеешь! И вообще, чтобы заявлять нравится или нет, надо хотя бы узнать и попробовать. Все! Чтoб больше слов я таких не слышала! «Не хочет» она, видите ли... Я тебе «пonexочу»... еще раз такое слово услышу – накажу, так и знай!

Ира испуганно сжалась на стуле. Тетя еще ни разу даже пальцем не тронула ее, но в голосе тетки слышалась такая категоричность, что в глубине души Ира не сомневалась – избыет. Мать Иру не била никогда, а вот отец, пока был жив, напившись, часто поколачивал и ее, и мать, так что такие отношения были ей не в диковинку.

– Ты поняла? – тетя не сводила с нее пристального взгляда.

– Поняла, – потупившись, выдавила из себя Ира.

– Замечательно. Тогда я к часу заеду за тобой. Будь к это-

му времени готова. Занятия там с двух до восьми.

– До восьми? – ахнула Ира, понимая, что к вечернему эфиру успевать никак не будет, – но ведь тогда я дома не раньше девяти буду...

– Ну и что? Тут город, в девять вечера девушек на улицах никто не ест, – не поняла тетя.

– Так я даже ужин приготовить не успею... – сказала Ира, чтобы хоть что-то сказать.

– Значит, ужин буду готовить я или вместе, если тебя чуть раньше отпустят... – губы тети тронула легкая улыбка, и она, шагнув к Ире, ласково потрепала её по волосам: – Да не волнуйся ты так, все будет хорошо. Я в любом случае помогу тебе.

На глаза Иры навернулись слезы, и она, ничего не отвечая, вскочила, выбежала из гостиной и, забежав в свою комнату, упала на кровать. Слезы горечи и обиды душили ее. В один момент её лишили самого дорогого, что было в её жизни – вечерних радиоэфиров.

Тетя заглянула в её комнату, раздраженно хмыкнула, а потом, проронив: «Что ж иногда выплакаться не мешает», вновь закрыла дверь.

На следующий день тетя отвезла Иру на курсы. Директор курсов оказался невысоким лысоватым толстячком, но

с очень располагающим добродушным лицом. Он встретил их уже входа, видимо ждал. Лишь увидев тетю, он сразу заулыбался:

– О, Маргарита Всеволодовна, как я счастлив Вас видеть, – он подхватил её руку и поднес к губам.

Тетя в ответ с улыбкой кивнула:

– И я тоже рада Вас видеть, Алексей Борисович.

– Пройдемте в мой кабинет, – толстячок подхватил тетю под руку и увлек вверх по широкой мраморной лестнице, не переставая при этом говорить. Ира последовала за ними, усмехнувшись про себя картине, которую представляла собой пара из смешного плешивого толстячка и её высокой и красивой тети.

– Это замечательно, что Вы решили определить свою девочку к нам. Это наилучший выбор. К тому же при любом раскладе подобные навыки лишними не окажутся. Хотя сейчас это одна из самых востребованных профессий. Потом мы используем все последние достижения, следим за новинками у нас контракты с ведущими фирмами в этой области, – с энтузиазмом расхваливал свое заведение Алексей Борисович. – Вы не представляете, какой спрос на подобных специалистов, к тому же такой квалификации, которую можем дать мы. Мы даже оказываем выпускникам помощь в трудоустройстве, гарантируем его, так сказать. А как у нас оборудованы залы... Но, что я говорю, Вы сами сейчас все увидите, я Вам покажу... Я сейчас Вас, голубушка Маргарита

Всеволодовна, по всем залам проведу. У нас же тут просто образцово-показательное заведение.

– Я не сомневаюсь в том, Алексей Борисович. Вы известный специалист своего дела, и я убеждена, что у Вас по-другому и быть не может... Поэтому очень прошу: может, мы повременим с экскурсией? Я выкроила буквально пару часов, чтобы привезти сюда племянницу, и меня уже ждут. Давайте мы уладим все формальности, а осмотр Вашего чудесного заведения отложим на другой раз?

– Ох, Маргарита Всеволодовна, Маргарита Всеволодовна, – директор курсов сокрушенно покачал головой, – в кои веки волею фортуны Вы оказались в моих пенатах, но вот опять Вы торопитесь и бежите... но что делать, что делать... я знаю, как расписан Ваш день... знаю... Что ж порадуемся хотя бы краткосрочному Вашему визиту. Проходите, – он распахнул перед ней дубовую дверь с красивой золотистой табличкой с надписью «директор». – Я постараюсь долго Вас не задержать и обязуюсь максимально взять под опеку Вашу очаровательную племянницу, – он кивнул на Ирину, входящую вслед за тетей в кабинет.

Директор действительно постарался свести все формальности к минимуму, и уже через десять минут тетя, пожелав директору всяческих благ, покинула его шикарный, обставленный дорогой кожаной мебелью кабинет. А он, улыбнувшись, обратился к Ирине:

– Ну что, милая юная леди, пойдёмте, я познакомлю Вас

с местом Вашей учебы, а так же преподавателями и Вашими сокурсниками.

Заведение произвело на Иру ошеломляющее впечатление. Огромные светлые залы с зеркалами чуть ли не во все стены. Удобные кресла для клиентов и крутящиеся табуреты для самих парикмахеров. Сверкающие мойки и сушилки для волос. Стойки со всевозможными парикмахерскими инструментами и красками, манекены в шикарных париках и красивые фотографии всевозможных причесок. В лекционных залах – кроме удобных столов и стульев проекторы и снова манекены, но теперь уже сидящие в креслах. Все это не могло не произвести впечатления.

Ира, потрясенная объемом впечатлений, тихонько шла позади директора, страшась встречи с группой, где ей предстояло учиться, и страстно желая лишь одного – побыстрее оказаться дома.

Однако группа из десяти человек (семерых девушек и трех юношей), а так же преподавательница (моложавая бодрая дама лет сорока), встретили её на редкость благожелательно. И все пять часов обучения пролетели для Иры незаметно. Правда, её ни о чем не спрашивали и ничего не просили сделать, в отличие от остальных, дав возможность пока лишь наблюдать за процессом обучения.

После занятий к ней подошел директор:

– Ирина, я пообещал Вашей тете позаниматься с Вами до-

полнительно, но мне кажется, в первую неделю Вашего обучения это будет несколько преждевременно. Освойтесь, войдите в курс дела, а вот со следующей недели я уже начну с Вами дополнительные занятия. Так Маргарите Всеволодовне и передайте.

– Да, конечно. Я понимаю, что мне пока еще рано... – краснея от волнения и, сама злясь на себя за это, выдохнула Ира. Ну вот чего волноваться, когда с тобой всего лишь разговаривают? Да еще и столь уважительно. А вон нет, щеки Иры просто пылали, и от осознания этого ей было еще более не по себе.

– Не волнуйтесь так, все будет хорошо, – толстяк ободряюще улыбнулся и ласково потрепал её по плечу. – У Вас замечательная тетя, и Вы попали к её друзьям. Вас здесь не обидят.

Ира шла по дороге к метро, и досада ела душу. Ну вот почему она не может держаться с достоинством как тетя? Почему она вечно заливается краской и начинает мямлить стоит хоть кому-то обратить на нее даже малейшее внимание? Нет, природа к ней была явно несправедлива и обделила не только даром, но и умением общаться и подать себя. Ира внутренне восхищалась собственной теткой и еще безумно завидовала ей. Недоумевая, почему одним дается все, а другим

– ничего.

Дома Иру ждал сюрприз. Тетя пришла раньше и уже приготовила ужин.

– Твой первый день учебы надо отметить. Быстрее мой руки, и садимся. У меня уже все на столе, – заявила она, едва Ира переступила порог.

Ира с тоской посмотрела на часы – до конца вечернего эфира оставалось десять минут, но она не осмелилась попросить тетю включить радиоприемник.

Ужин был великолепный – тетя заказала в ресторане салаты, закуски и горячие блюда, открыла бутылку французского красного сухого вина. Выключив верхний свет, она зажгла свечи и, подняв бокал, тепло пожелала Ире успехов, счастья и удачи. Однако Иру не радовало ничего. Мысль о том, что она второй день лишена возможности услышать столь полюбившийся ей голос, занозой сидела внутри. Поэтому весь ужин она просидела насупленная и обиженная на весь белый свет. Тетя тщетно пыталась вывести её из этого состояния, а потом, раздосадовано поднялась из-за стола.

– Вот до чего у тебя тяжелый характер, Ирина, – укоризненно проговорила она, – ты абсолютно не умеешь управлять своими эмоциями и радоваться жизни.

– Чему радоваться? Чему? – алкоголь хоть и в легкой степени, но снял контроль. – Тому, что у меня умерла мать? Тому, что Вы руководите всей моей жизнью и постоянно тыр-

каете, что я должна делать и как?

– Ты не умеешь ценить то, что есть! – резко оборвала её тетя. – Ты видишь лишь то, чего нет! У тысяч, миллионов тысяч нет и сотой доли того, что есть у тебя. Причем ты к этому не приложила ни малейших усилий. И ты все равно недовольна. Что ж, это исключительно твоя проблема, я ей заморачиваться не собираюсь. Хочу лишь предупредить: не пересмотришь такое отношение к жизни – будешь всю жизнь несчастна!

Слова тети падали как камни, а резкий тон быстро отрезвил Ирину. Она привычно втянула голову в плечи, ожидая длительного нравоучения. Но тетя не стала продолжать, она лишь бросила: «Подумай над моими словами» и скрылась в своих комнатах.

Ира осталась в гостиной одна. Горевшие свечи, создавали романтический полумрак. Их блики плясали отсветами в хрустальных бокалах и дорогом фарфоре, который расставила на столе тетя. Ире стало стыдно. Тетя пыталась устроить для нее праздник, а её досада на то, что она не услышала вечерний эфир, все испортила. Получалось, она и эфир не услышала, и праздника себя лишила. Ей захотелось пойти и извиниться перед тетей, она встала и подошла к двери в её комнаты, но тут услышала оживленный голос той. Тетя с кем-то разговаривала и временами весело и заливисто смеялась.

На Иру накатила волна раздражения и злости. Получа-

лось, тетя нисколько не огорчена тем, что их праздничный ужин не удался, ей и без нее радости в жизни хватает. «Конечно, наговорила гадостей и довольная теперь» – промелькнуло в мозгу и, сердито фыркнув, Ира ушла к себе в комнату, резко захлопнув за собой дверь.

Она, не раздеваясь, легла на кровать. Привычная жалость к себе затопила сознание, приятно убаюкивая, и Ира незаметно для себя провалилась в сон.

Утром Ирина обнаружила, что тетя убралась в гостиную, и о попытке устроить праздничный романтический ужин не напоминает уже ничего. А на столе лежит список продуктов, которые ей надо купить в магазине и деньги. Обречено вздохнув, она поняла, что занятия на курсах тетя не посчитала достаточным поводом, чтобы освободить её от ежедневных походов в магазин.

Неделя пролетела напряженной и безрадостной чредой однообразных дней. Из вечерних эфиров Ира успевала в лучшем случае услышать не более десяти минут. Большую часть из которых занимала кем-нибудь заказанная мелодия. Но хотя бы прощание любимого радиоведущего она заставляла.

Дополнительные занятия с Алексеем Борисовичем на сле-

дующей неделе окончательно лишили её возможности слышать голос Дмитрия Голубева, и это повергло Иру в глубокое и беспросветное уныние.

Несмотря на благожелательное отношение к ней на курсах, занятия она тихо ненавидела и каждый день мечтала о том, чтобы какая-нибудь случайность помогла ей избавиться от них. Однако её мечты не спешили реализовываться. Скорее наоборот. Её внутреннее нежелание учиться начало приносить свои плоды.

Сокурсники, с которыми она избегала всяческого общения, перестали делать даже малейшие попытки сблизиться с ней. А преподавательница, видя её пассивность и невнимательность, пожаловалась на нее директору.

После этого Алексей Борисович стал перед каждым своим занятием проверять её записи, заставляя пересказывать все, что она запомнила, и процесс обучения превратился для нее окончательно в каторжный труд.

Возвращалась Ирина домой теперь совсем поздно. Уставшая и раздраженная, готовая разреветься из-за любого пустяка.

Тетя, видя такое её состояние, общение с ней тоже свела до минимума, ограничиваясь лишь приветствиями и сообщениями, что ужин она оставила Ире на столе, и там же лежит список того, что ей надо купить на следующий день.

Ире стало казаться, что она попала в какой-то замкнутый круг. Круг, который теперь уже не разорвет ничто и никогда.

Вечерами ей хотелось уснуть и не проснуться. Ведь пробуждение несло с собой новый виток так тяготивших её обязанностей. Каждое утро она мерила температуру в надежде, что заболела и сможет, сообщив об этом тете, никуда не идти. Но гадкий термометр упрямо показывал нормальную температуру, и даже съеденное кусками мороженое и полоскание горла ледяной водой не приносило ожидаемого результата.

Все изменилось в один день. Это была ничем не примечательная среда. Середина недели. Отсидев положенные занятия, Ира обречено отправилась в кабинет директора, предвкушая как Алексей Борисович будет около получаса пытаться её каверзными вопросами из пройденного материала, а потом заставит отрабатывать навыки в зале на манекенах. Дверь в кабинет директора была приоткрыта, и оттуда долетал его по-обычному бодрый и радостный голос. Он с кем-то разговаривал, причем явно не по телефону, о чем свидетельствовала его фраза: «сейчас мы пройдем в зал, и я сделаю все по высшему разряду».

Ира обрадовано подумала, что, пожалуй, сегодняшнее занятие имеет все шансы не состояться. Она протянула руку, чтобы постучать, готовая выслушать слова директора, что занятие с ней он отменяет, и пораженно замерла. Замерла потому что в ответ на реплику директора, она услышала го-

лос, который уже долгое время заставлял её сердечко восторженно трепетать.

– Да, Борисыч, мне сегодня твоя помощь как никогда необходима... Все рушится в тартарары, а это самое время подумать о собственном имидже. Поэтому и решил: рвану к тебе. К черту эфир, без меня проведут. Раз такие упертые, пусть сами выкручиваются, как хотят. Не хотят со мной работать, найду других... за них держаться не собираюсь.

Иру бросило в жар, щеки запылали, а сердце стало биться где-то в горле. Неужели сейчас она увидит его? Его, о котором мечтала бессонными ночами? Какой он? И похож ли на тот образ, который ей рисовало воображение?

Руки моментально вспотели. А вдруг он протянет ей руку? От этой мысли Ире стало дурно, и она судорожно принялась вытирать руки о джинсы, проклиная себя за то, что не догадалась взять носовой платок и не надела с утра ту сиреневую кофточку от Валентино, что подарила ей тетя. И еще не накрасилась и не надушилась тетиными духами, что в избытке стояли на столике в прихожей. Она вообще-то почти никогда не красилась и не душилась, но сегодня это было сделать необходимо. А она бестолковая, не догадалась. Все эти мысли словно бешенные скакали в голове, когда дверь распахнулась, и прямо на нее вышел директор.

– О, Заслонова, – проговорил он, – ты пришла. Это, конечно хорошо, но сегодня занятия не будет. Можешь идти домой. У меня поменялись планы, мы позанимаемся с тобой

завтра. Хорошо?

От волнения голос у Иры пропал, и она только и смогла, что немного посторониться и кивнуть.

– Ты готовься, – видя её растерянный вид, продолжил Алексей Борисович, – я завтра тебя темы за оба дня спрошу.

Ира вновь кивнула. В это время из двери вышел высокий мужчина лет тридцати пяти с густыми волнистыми волосами. Тонкие аристократические черты лица, капризные узкие губы и высокий лоб. Немного другой, чем Ира рисовала в своих мечтаниях, но все равно притягательно-прекрасный. Недовольно поморщившись, он повернулся к директору:

– Борисыч, ну так мы идем?

– Идем, идем, – закивал тот, поспешно запирая кабинет, а потом повернулся к Ире: – Ну что стоишь, Заслонова? Иди домой! Завтра позанимаемся. Понятно?

Дождавшись очередного Ириного кивка, он повернулся к гостю: – Итак, я в полном твоём распоряжении. Сейчас все сделаем супер, – после чего увлек его вглубь коридора.

Тот, кого Ира так мечтала увидеть, даже не взглянув на нее, уходил все дальше и дальше. А Ира так и стояла рядом с дверью директорского кабинета не в силах и шага сделать.

Через некоторое время из дальнего конца коридора донесся приглушенный голос директора:

– Это я с одной из учениц дополнительно занимаюсь, тетя её попросила, очаровательнейшая женщина, доложу те-

бе. И умница, каких поискать... Божественная женщина, одним словом, а вот племянница её мягко сказать своеобразная очень... И талантами Бог не наградил и сообразительностью в общем-то тоже... Но ничего, мы её натаскаем и, может, со временем, неплохой мастер из нее и получится... хотя конечно звезд ей с неба не хватать.

– Ну не всем же их хватать, – рассмеялся в ответ герой всех Ириных мечтаний.

После чего хлопнула дверь, и голоса стихли.

Ира глубоко вздохнула и попыталась привести в порядок растрепанные чувства. Её Дмитрий оказался намного старше, чем ей представлялся, да и внешне абсолютно иным. Он ей представлялся блондином с голубыми глазами, а у этого были русые волосы и серые глаза. К тому же он не проявил к ней ни малейшего интереса. Однако, немного поразмыслив, Ира пришла к выводу, что, возможно, все к лучшему. Внешность у её кумира была приятной, а то, что в возрасте – значит, её молодость ценить больше станет. Обидно было, что на нее он не обратил ни малейшего внимания. Но в этом явно она сама виновата. Вот надела бы кофточку и накрасилась, может, и повел бы он себя совсем по-другому.

В это время в коридоре появилась уборщица.

– Ты чего тут стоишь, милая? – доброжелательно осведомилась она. – Директора что ли ждешь?

– Да нет, уже не жду, – вздрогнув от неожиданности, проговорила Ира и поспешила вниз.

Взяв в гардеробе пальто, она вышла из здания и в нерешительности замерла у дверей. Ехать домой не хотелось. Ведь все равно вечернего эфира, как она поняла, не будет. А потом её как молния озарила мысль – ей надо взять у него автограф. Только вот где попросить его расписаться? Ира в замешательстве достала из сумки тетрадь, посмотрела на нее. Нет, листочек в клеточку будет выглядеть жалобно – подумала она и решительно шагнула в стеклянные двери небольшого торгового центра напротив. Там она нашла прилавок с поздравительными открытками и за неимением другой купила наиболее приглянувшуюся, красочную открытку «С Днем рождения». После чего, зажав в руке свое приобретение и шариковую ручку, она заняла наблюдательный пост у стеклянных дверей торгового центра. Здесь было тепло, и ярко освещенный подъезд её учебного центра был виден, как на ладони. Поняв, что пропустить любимого кумира не рискует, Ира погрузилась в мечты о том, как она подойдет к нему, а он не только подпишет ей открытку, но и пригласит в какое-нибудь кафе. Она пошарила взгляд по ближайшим заведениям. Вон, например то, миленькое такое «кафе-бар». Вот почему бы ему туда её не пригласить. А вдруг? Они бы там замечательно посидели, и это было бы первое в её жизни свидание. Ведь нельзя же считать свиданием, что подвыпивший тракторист Пашка как-то под вечер, затащил её на задворки школьного клуба и поцеловал, а она, стукнув его

портфелем по голове, сбежала.

Время в мечтаниях текло незаметно. Ира совсем не обращала внимания на снующих мимо людей. Да и на нее никто особого внимания не обращал. Мало ли кого ждет девушка, сжимая в руке открытку с изображением большого букета алых роз.

Когда же, наконец, из подъезда вышел тот, кого она столь долго ждала, Ира немного растерялась. Во-первых, ожидание притупило готовность к встрече. Во-вторых, её кумир был очень красиво подстрижен и весь его вид, и пальто нараспашку, и небрежно брошенный на шею шарф напомнили стильных мужчин с обложек модных тетиных журналов, к которым и подступиться страшно. А в-третьих, он вышел не один, а с директором. Оживленно разговаривая, они подошли к машине Алексея Борисовича, и тот призывно распахнул дверку. Сердце у выскочившей из дверей торгового центра Иры испуганно сжалось. Она понимала, что сейчас Дмитрий Голубев уедет, а она вряд ли осмелится при директоре попросить у него автограф. Такая просьба казалась ей очень интимной, и присутствие директора рушило все её планы.

Однако на Ирино счастье, её кумир отрицательно покачал головой и кивнул на близлежащее кафе:

– Пойдем, Борисыч, хлопнем по рюмашке. Такую твою работу необходимо обмыть.

– Вот дома у меня и обмоем.

– Не, Борисыч. Ну вот на кой нам твою жену нагружать? Мы тут посидим минут пятнадцать, а потом ты к ней поедешь.

– Дмитрий, я ж за рулем. Как я выпью? – удивленно воззрился на него тот. – Нет, я так не могу.

– Борисыч, кто говорит, чтоб пить за рулем? Не... мы лишь по маленькой, и ты отчалишь. Сейчас ведь сколько-то там промилле уже можно... а мы вот больше и не будем. Пойдем. Захлопывай дверку, и пошли зайдем на минутку, буквально на минутку.

Дмитрий почти насильно оттащил упирающегося директора от машины, и тому не оставалось ничего как, обречено пиликнув сигнализацией, отправиться с ним в кафе-бар.

Облегченно вздохнув, Ира пошла следом. Мужчины облюбовали стол, недалеко от барной стойки, а Ира, незаметно проскользнула к столику в углу и тихо села у окна. Она видела, как Дмитрий, скинув пальто на соседний стул, тут же махнул рукой официанту и стал что-то заказывать, но что именно слышно не было из-за шума и громко звучащей музыки. К ней тоже подошел официант:

– Что желаете?

– Сколько у вас стоит чашечка кофе?

Официант ответил. Быстро прикинув, что имеющейся наличности хватит максимум на две чашки, Ира проговорила

фразу, которую однажды слышала в каком-то кинофильме:

– Тогда давайте пока кофе, а когда подойдет мой друг, мы закажем что-нибудь еще.

Официант улыбнулся ей и ушел. Когда он вернулся, неся на подносе кофе, Ира сразу протянула ему деньги.

– Вы можете заплатить потом, – удивился он.

– А вдруг я его не дождусь? – смущенно проговорила Ира, не зная, каким еще образом можно объяснить то, что она в любой момент может уйти, последовав за своим кумиром.

– Можно конечно и так, – ободряюще улыбнулся ей молодой парень, – но я от всей души Вам желаю, чтоб он обязательно пришел.

– Спасибо, – Ира благодарно улыбнулась в ответ, понимая что теперь её вряд ли выгонят, сколько бы она не сидела.

Мужчины сидели в кафе долго и пили много. У директора несколько раз звонил мобильный, он разговаривал с кем-то, потом порывался уйти, но Дмитрий не отпускал его. Ира тем временем, понимая, что ожидание затягивается, заказала вторую чашку кофе и опять сразу же расплатилась. Официант подмигнул ей, типа, не расстраивайся, ну не пришел – бывает.

Вскоре у Иры самой зазвонил мобильный. На экране высветился номер тети. Ира с ужасом поняла, что если ответит, тетя заставит её немедленно идти домой, поэтому быстро отключила телефон. Она потом как-нибудь объяснит это тете.

Мысленно она уже не раз призывала высшие силы вмешаться и каким-нибудь образом удалить отсюда уже явно пьяного директора. Хотя пили мужчины наравне, Дмитрий выглядел намного трезвее.

И в это время, словно отвечая на её внутренние моления, в зал вошла полная, крепко сбитая женщина и напрямиком направилась к Алексею Борисовичу. Тот привстал из-за стола, явно пытаясь представить ей своего сотрапезника, но женщина, раздраженно махнув рукой, так же вставшему при её приближении Дмитрию, подхватила директора под руки и, ничего не слушая, повела к дверям. Тот попытался достать бумажник, но Дмитрий, перехватил его руку, затем отрицательно помахав рукой, вновь сел за столик. А женщина вывела шатающегося Алексея Борисовича.

Как только Дмитрий остался один, Ира поспешно вскочила и подошла к его столику, протягивая открытку с ручкой.

– Это что? – он поднял на нее удивленный взгляд.

– Автограф можно? – срывающимся от волнения голосом проговорила Ира.

– Ты что, читала мои статьи? – он пристально смотрел прямо на нее, и испуганная Ира сумела лишь судорожно кивнуть

– И тебе они нравятся?

– Очень... – выдавила из себя Ира, трясущимися руками подпихивая ему ближе открытку.

Дмитрий взял ее, внимательно посмотрел, потом озадаченно хмыкнул:

– С днем рождения. Это у тебя, что ли день рождения?

Ира нервно сглотнула. День рождения у нее давно прошел, но она не посмела в этом признаться и кивнула вновь.

– Что ж поздравляю! – Дмитрий положил открытку на стол и, взяв ручку, размашисто написал: «Желаю счастья и удачи», потом посмотрел на нее:

– Тебя как зовут?

– Ира, – тихо ответила она.

«Милой Ирочке», – приписал он и размашисто подписался: «Дмитрий Дымов».

Ира, остекленелыми глазами глядя на незнакомую фамилию, замерла, не зная, что делать дальше. Он встал и протянул ей открытку, а потом, взглядываясь в её растерянное лицо, проговорил:

– Слушай, а ты чего расстроена такая? Нельзя в свой день рождения такой грустной быть. Я когда на передовой бывал, ребята всегда говорили: как вечер проведешь, такой и день встретишь. А уж если в день рождения киснуть, то весь, пожалуй, год потом слезы лить придется. Ну-ка, давай, Ирина, выпьем за твой праздник!

– Я это... я не пью... – забрав открытку, Ира попятилась.

– Это ты, может, в какие другие дни не пьешь, – Дмитрий схватил её за руку, – а в день рождения необходимо! Вот будь я сейчас в эфире, поставил бы для тебя Криса де Бурга с

его Блю кафе... а так, тебе придется со мной лишь коньячка хлебнуть и удовлетвориться обычными пожеланиями отыскать свою птицу счастья. Официант! – Дмитрий повернулся к гарсону, – Еще раз водочку мне и 50 грамм коньячку с лимончиком – даме, ну и закусить ей что-то.

– Вы ведете эфиры? – не веря уже сама себе, тихо спросила Ира.

– Стыдно, конечно признаться, но да, – пьяно улыбнулся тот, – фигня, конечно полная... кто может слушать подобный бред, диву даюсь. Но не все же подобно Вам, Ирина, читают политические статьи и стараются разобраться в сложностях, которые существуют в нашей армии и в вопросах обороноспособности нашей страны. Многие могут лишь хихикать над примитивным юмором, воспринимать выхолощенные выжимки новостей и слушать песни. Я даже псевдоним себе придумал, чтоб фамилию не марать... но раз проговорился – признаюсь. Есть такой грех. Веду. Вернее вел. Уж больно бабки были нужны, чтоб оптику новую купить... Мне последнюю взрывом покрошило. Но жалеть её грешно – счастье, что сам жив остался.

Глаза у Ирины просто полезли на лоб от услышанного, но боязнь показать, что Дмитрий принял её не за ту, помогла справиться с удивлением, и она согласно кивнув, подтвердила:

– Да, это действительно счастье, что Вы живы остались.

– Ир, а давай «на ты»? Выпьем на брудершафт и перестав-

нем выкатать друг другу, – он взял принесенную официантом рюмку коньяка и протянул ей. – Согласна?

Отказать ему Ира не посмела. Послушно взяв рюмку, она лишь тихо заметила: – Я никогда не пила коньяк раньше.

– Что ж, сейчас мы это упущение исправим. Значит, вздохнула, выпила, а потом в рот лимончик. Поняла? – он повернулся к ней вполоборота и завел свою руку сквозь полукольцо ее. – Итак, за твой день рождения и чтоб ты нашла свою птицу счастья!

Кивнув, Ира вздохнула и залпом выпила содержимое рюмки.

– Лимончик, лимончик, – глядя на пытающуюся восстановить дыхание после обжегшего горло напитка Ирину, вновь посоветовал ей Дмитрий. И она поспешно запихнула в рот дольку лимона.

– Но с кожурой было не обязательно, – усмехнулся он, видя, как она вся сморщилась. – А теперь садись и закусывай, – он придвинул ей стул и указал на красивую тарелку с салатом, после чего тоже опустился на стул.

Приятное тепло от спиртного волной растеклось по организму, и зажатость Ирины разом исчезла. Улыбнувшись своему кумиру, она принялась за еду.

Глядя, как она ест, он вдруг неожиданно произнес:

– Постой, а я ведь тебя сегодня уже видел... ты ведь ученица Борисыча. Ну да, точно, он мне еще твою тетку расхваливал. Ну и как, у тебя действительно замечательная тетя?

– Она замечательный тиран и деспот, – сразу насупившись, проговорила Ира.

– Вот тебе на... – удивленно протянул Дмитрий, – а Борисыч её так расхваливал, точно она ангел, сошедший на землю.

– Не знаю... может для кого и ангел, – Ира презрительно сморщилась, – а у меня сил больше нет жить с этим ангелом. Я уже в ад готова сбежать, лишь бы подальше от нее.

– Да ты что? Кстати, а почему ты не дома еще? – Дмитрий посмотрел на часы на стене бара, которые показывали два часа ночи. – Тебе от тетки не попадет, что поздно так домой вернешься?

– А я не смогу сегодня вернуться домой – метро уже закрыто, – Ира безразлично пожала плечами. Алкоголь и присутствие рядом её кумира помогли стать равнодушной к возможным неприятностям.

– Что ж... не помочь милой девушке, попавшей в столь сложное положение, отчасти по моей вине – грешно, – Дмитрий улыбнулся и накрыл своей мускулистой и крепкой ладонью её руку, лежащую на столе. – Ирочка, ты что выбираешь? Чтобы я отправил тебя на такси в объятия злобной тетки, с которой ты проведешь остаток своего дня рождения или ты предпочтешь мое общество?

– Вот к тете ехать мне сейчас совсем не хочется, – Ира капризно сморщила носик.

– В этом случае могу предложить посидеть здесь еще пару

часиков, а потом послушать у меня дома классные записи джазовых композиций. Ты знаешь, у меня, можно сказать, профессиональная коллекция. Ты любишь джаз?

– Джаз? – переспросила Ира, прикидывая в уме, как может прореагировать её кумир на честное признание, что джаз она терпеть не может.

– Ну да... джаз... Это ведь музыка души... Что еще может сравниться с игрой джаз-оркестра? – Дмитрий мечтательно закатил глаза и прищелкнул языком.

– Конечно, это великолепная музыка. И мне очень нравится, – тут же солгала Ира, придя к выводу, что не рискнет признаться в своих музыкальных пристрастиях.

– Я почему-то так и думал... Хотя, Ира, я впервые встречаю женщину, у которой вкусы столь совпадают с моими. Это надо отметить. Официант! – он вновь призывно вскинул руку, – коньячку даме, а мне – водочки повторите и еще что-нибудь легенькое... Ир, может фруктов тебе или мороженое? – он вопросительно взглянул на нее.

– Ну не знаю... а может, не надо еще коньяку, а? – замялась она.

– Нет, совпадение интересов отметить необходимо, так что рюмочка коньяка – это не обсуждается. А раз выбрать не можешь, то значит, и фрукты, и мороженое.

– Есть мороженое с фруктами или Вам отдельно? – решил уточнить официант.

– О, вместе даже лучше. Ирочка, ты ведь не возража-

ешь? – дождавшись её утвердительного кивка, Дмитрий подытожил: – Итак, даме – коньячку и мороженое с фруктами, а мне – водочки.

Они вновь выпили, и Ира почувствовала, что на нее накатила какая-то необыкновенная волна расслабленности и комфорта. Ей было необычайно уютно сидеть вот так с Дмитрием, смотреть на него, есть мороженое с вишенками и дольками ананаса и изредка поддакивать в ответ на его рассуждения. Причем ей было абсолютно безразлично, что именно он говорит. Она не вдавалась в смысл, и заяви он сейчас, что землю захватили инопланетяне и правят миром или через месяц наступит конец света, она бы согласилась, даже не раздумывая.

Когда же он решительно поднялся и спросил: «Ну что не передумала ехать ко мне джаз слушать?», она без колебаний подтвердила свое решение. Пригласи он её сейчас на край света, она и тогда бы долго размышлять не стала.

Дмитрий быстро расплатился, помог ей одеться и, обняв за плечи, вывел на улицу. Шел он немного пошатываясь, но Иру это несильно смущало. Она привыкла к виду пьяных мужчин. На улице машин было мало, но стоило её спутнику поднять руку, как первая же из проезжающих притормозила рядом с ними. Дмитрий усадил её на заднее сиденье и сам сел рядом, положив руку ей на плечо.

– Гони, шеф, – обратился он к шоферу и назвал адрес.

Машина плавно тронулась, а Дмитрий, прижав Иру к себе ближе, пьяным шепотом выдохнул ей в ухо:

– Ир, ты фильм «Служебный роман» смотрела?

– Смотрела, давно, в детстве. Это был мамин любимый фильм, – кивнула она.

– Помнишь, герой с героиней в такси в конце целуются?

– Конечно.

– Вот давай как они? А? Понимаешь, всю жизнь мечтал с кем-нибудь вот так поцеловаться прям в такси. А? Кстати, можешь драться, тогда это будет совсем как в кино.

Не дожидаясь её ответа, Дмитрий притянул к себе голову Иры и страстно приник губами к её губам.

Драться Ирина не стала, она напротив, подавшись вперед, прижалась к нему всем телом и в свою очередь крепко обняла за шею. Однако через некоторое время, почувствовав, что ей не хватает воздуха, разжала руки и, упершись в его плечи, оттолкнула.

– Ты что? – удивился он, а потом, видя как она, судорожно хватая ртом воздух, пытается восстановить дыхание, рассмеялся, – Ир, ты будто и не целовалась раньше.

– Ну можно сказать и так, – она смущенно потупилась.

– Ты голову поверни чуть набок и дышать сможешь, – он вновь притянул её к себе и его губы нашли ее.

Целовались они всю дорогу, пока шофер не объявил:

– Все, доехали.

Оторвавшись от её губ, Дмитрий полез за бумажником и

рассчитался с шофером. Потом вылез из машины и подал ей руку:

– Прошу, сударыня.

Ира подхватила с сиденья шарф, который он, расплачиваясь, уронил. После чего, опершись на поданную руку, выбралась из машины.

Машина тут же отъехала, а они вошли в подъезд обшарпанного девятиэтажного дома и поднялись на второй этаж. Дмитрий достал из кармана ключи.

– Это твоя квартира? – спросила нервно теребившая в руках шарф Ира, оглядывая тускло освещенную грязную лестницу. Ей было немного не по себе, и хотелось спросить хоть что-то.

– Нет, я снимаю ее. Конечно далековато от метро и квартира – дрянь, зато недорого, – проговорил Дмитрий, тщетно пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

– Может, я попробую? – глядя на его старания, осторожно предложила она.

– Момент, сейчас все будет в ажуре... не торопи... здесь просто очень сложная конструкция, – Дмитрий, наконец, всунул ключ и, щелкнув замком, распахнул дверь: – Милости прошу, гостья дорогая.

Ира шагнула в темный проем. Дмитрий, последовавший за ней, нашарив на стене выключатель, включил в прихожей свет.

– Ты вытащил ключи? – обернулась к нему Ира, памятуя,

какие нотации вычитывала ей тетя, если она забывала это сделать.

– Черт, чуть не забыл, – он пьяно улыбнулся и шагнул обратно, – молодец, что напомнила... Ты такая умница, Ириша.

Вытащив ключи и захлопнув за собой дверь, он притянул её к себе и, не раздеваясь, вновь стал страстно целовать. Прихожая была маленькая и тесная, да и обниматься в пальто было неудобно и жарко. Мысль о том, что сейчас она может вспотеть, привела Иру в ужас. Решительно упершись в плечи Дмитрия, она высвободилась и проговорила:

– Ты обещал дать послушать музыку.

– И мы обязательно будем слушать ее, – разжал объятия Дмитрий.

Потом он помог ей снять пальто и, взяв плечики, стал пытаться аккуратно повесить на них его. Но выходило плохо. Пальто никак не хотело висеть ровно и соскальзывало то на один бок, то на другой, а то и вовсе пыталось соскочить с вешалки, и Дмитрий каждый раз еле успевал подхватить его.

– Давай я сама, – осторожно протянула руку Ира.

– Оно видно у тебя дикое и слушается только хозяйку, – пьяно улыбнулся Дмитрий и пихнул ей в руки пальто и вешалку, – давай умиряй его и попроси вести себя прилично в наше отсутствие... А то вдруг сбежит или мое покусает? Я ведь свое рядышком с ним пристрою. Если оно не возражает, конечно. Ты у него спроси. Оно не возражает?

– Нет, не возражает, я уговорила его, – рассмеялась Ира. Ей нравился подобный юмор Дмитрия.

– Что ж будем надеяться, они подружатся. А мы пока пойдем чаю выпьем или кофе. Ты что больше любишь?

– Ночью я больше чай, наверное...

– Вот и замечательно. А какой именно? Черный, зеленый с добавками или без? Цейлонский, кенийский, китайский? Тебе какой больше нравится?

– Черный. А какой именно – выбирай на свой вкус. Я с удовольствием любой попробую, – постаралась осторожно обойти сложный вопрос Ира так, чтобы не показать полной своей неосведомленности в данной области. Она знала внешний вид железной коробочки с чаем, который предпочитала тетя, но никогда не удосуживалась даже прочесть его сорт.

– Тогда я пошел на кухню заваривать чай, а ты иди выбери записи, которые будем слушать. Выключатель, как войдешь, справа на стене. Коллекция на нижней полке столика в центре.

Дмитрий указал ей на дверь, ведущую в комнату, а сам прошел по узенькому коридору и скрылся за зашелестевшей при его проходе бамбуковой занавеской.

Ира зашла в комнату и, включив свет, восторженно замерла. Комната осветилась рядом низкостоящих разноцветных колб с плавающими в них блестками. Свет от них тут же

укутал комнату переливами какого-то фантастического мягкого сияния. Это создавало чарующую волшебную атмосферу. Огромный диван в углу казался сказочным ложем самого падишаха, а низкий стеклянный столик в центре, с валяющимися вокруг него подушками в бархатных наволочках, неземным местом отдыха восточного владыки.

Ира подошла ближе и увидела на полке, под толстым верхним стеклом столешницы красиво разложенные диски. От обилия незнакомых исполнителей рябило в глазах. [Дюк Эллингтон](#), [Гленн Миллер](#), [Бенни Гудмен](#), Джимми Лансфорд, [Каунт Бэйси](#), [Арти Шоу](#), Чик Уэбб, Томми Дорси, Чарли Барнет. Ира не знала ни одного из них. Присев на корточки, она взяла наугад.

В это время в комнату вошел Дмитрий, неся на подносе чайник для заварки и две чашки.

– Выбрала? – спросил он, устанавливая поднос на столе.

– Вот, – она протянула ему диск.

– Замечательный выбор. Это делает тебе честь. Обычно все берут то, что у всех на слуху. Глена Миллера или Дюка Эллингтона. А ты, я смотрю не такая как все. Ир, я вот честно, впервые встречаю такую женщину. Чтобы и в политике разбиралась, и в джазе... Чтобы не поверхностная свистушка, а по-настоящему... с душой... – он взял из её рук диск, – один момент, сейчас все будет.

Отойдя в угол комнаты, Дмитрий вставил диск в плеер, и

комната наполнилась негромкими звуками джаз-оркестра и солирующего саксофона.

– Чай или потанцуем? – он шагнул к ней.

– Потанцуем.

Ира, улыбнувшись, положила ему руки на плечи, и музыка увлекла их в свой нежный водоворот.

– Ты прекрасно двигаешься. Мне порой кажется, ты невосомо-воздушная какая-то, – ласково прижимая её к себе, выдохнул он ей на ухо.

– Меня мама в детстве учила танцевать, – чувствуя, что краснеет и радуясь, что в полумраке комнаты это не очень заметно, призналась Ира.

– У тебя, наверное, была замечательная мама, – повинуюсь ритму музыки, Дмитрий сделал с ней несколько резких разворотов и зашатался, теряя равновесие. Ирина, удержав его, ласково рассмеялась:

– Может лучше чай, а то нас что-то на поворотах заносить стало. К тому же он остыть может.

– Остыть – не остынет, у меня заварной чайничек с секретом... лишь заварится лучше... но выпить чай все же не помешает. Продолжить танцевать мы всегда успеем.

Дмитрий подвел её к столу и махнул рукой, указывая на подушки:

– Устраивайся. Пить чай будем по-восточному.

– А как садиться-то?

– Смотри, – Дмитрий быстро сел рядом с ней, скрестив и

подобрав ноги под себя. В его действиях чувствовалась привычка.

– Это, наверное, долго тренироваться надо, чтобы так сидеть. Ты где этому научился? – Ира последовала его примеру, неловко пытаясь устроиться на выскальзывающей из-под нее подушке и подбирая не желающие её никак слушаться ноги.

– А, – Дмитрий усмехнулся, – жизнь всему научит. Когда ведешь кочевой образ жизни, то подушки – самая удобная мебель. И смотрятся стильно, и таскать их с собой легко. Это вот надувной вариант. Сдуваются и занимают очень мало места. Восточные люди были мудры, раз сумели додуматься до такого.

– Конечно, – вслух согласилась Ира, проклиная про себя и весь восток и их обычай сидеть за столом подобным образом.

– Кстати, а вот и секрет моего чайничка, что чай в нем не остывает, – Дмитрий поднял его в руке, и Ира увидела, что состоит он из двух частей. Нижняя – похожая на большую пиалу была заполнена кипятком, а верхняя представляла собой более маленькую емкость, в которой собственно и заваривался чай.

– Надо же... как интересно, – проговорила она, сумев, наконец, устроиться на подушке так, что и та не выскальзывалась, и ноги не разъезжались.

Дмитрий разлил чай по маленьким прозрачным чашкам и протянул ей одну.

– Это китайский. Кимун Маофенг называется. Его выращивают в провинции Анхой. На ночь этот чай – самое оно. Мягкий. И еще у него исключительный аромат. Попробуй, тебе должно понравиться, запах меда и орхидей. Кстати, «Маофенг» означает «мохнатый кончик» – намек на его длинные тонкие скрученные листья и пушистые золотистые почки. И посмотри, какой насыщенный с красноватым отливом цвет. Тут, правда, темновато и не очень хорошо видно, но поверь мне на слово. Цвет – изумительный, да и вкус запоминающийся. Хотя, что я говорю – ты попробуй!

Ира осторожно взяла чашку и пригубила. Чай был на вкус обычный. Чай как чай, к тому же несладкий.

– Нравится?

– Вкусный, – кивнула Ира, и только хотела попросить сахара, как Дмитрий, смакуя чай, негромко произнес:

– Подумать только, а некоторые идиоты портят такой божественный вкус сахаром. Вот не понимаю, как можно забивать сладостью этот неповторимый букет ощущений.

– Да? – удивленно протянула Ира.

– Представь себе. Кстати, в основном – женщины. Хотя женщины много в чем не разбираются. Ты не подумай, речь сейчас не о тебе. Но ты скорее счастливое исключение, лишь подтверждающее это правило.

– Ну да... наверное... Тетя у меня вон всегда сахар в чай кладет.

– Вот. И лишает себя возможности насладиться столь

изысканным вкусом. Но в этом ничего удивительного нет. Кстати, как я понимаю, тетушка у тебя вообще не самый лучший представитель рода человеческого. Скорее всего: властная, нетерпящая чужого мнения, самоуверенная особа и при этом без сомнения глупа, как пробка. Так?

– Ну просто её портрет, – рассмеялась Ира.

– Хотя вот в чем парадокс: многим мужчинам нравятся именно такие. Взять того же Борисыча. Ведь он от нее в восторге.

– Наверное, он сам не особенно умен, – лукаво улыбнувшись, предположила она.

– Возможно, возможно... – Дмитрий задумчиво поцокал языком, а потом, отставив чашку, пристально посмотрел на нее, – скорее всего именно так. Не разглядеть рядом с собой такую неординарную личность как ты – это уметь надо. Тебе кстати музыка-то нравится? Сейчас вот, кстати, будет просто шедевиальный отрывок... Тут такое соло двух саксофонов, а потом подключается третий... это гениально... бесподобно просто. Вот, вот... слышишь? И третий вступает... великолепное соло на мой взгляд.

– Да, действительно красиво.

– Я знал, что тебе понравится. Не могло не понравиться! Я чувствовал это! Пойдем, еще потанцуем, – он встал и властно потянул её к себе.

Ира отставила чашку, и они вновь тихо закружились по комнате под негромкие звуки джаза. Через некоторое время

рука Дмитрия скользнула под её кофточку, и Ира ощутила, как сильная и крепкая мужская ладонь стала ласкать её кожу. От неожиданности она замерла, раздумывая, как ей на это отреагировать. Но Дмитрий не дал ей времени на размышления. Решительным движением он притянул её к себе еще ближе, и его губы впились в её долгим и страстным поцелуем. А потом он шагнул ближе к дивану и, не переставая целовать, повалил на него Иру. После чего, не спеша, расстегнул и стащил с нее кофточку, а затем и все остальную одежду.

Ира не протестовала. От Дмитрия исходила такая сила и уверенность, что она и помыслить не могла что-то ему возразить. К тому же его действия были нисколько не грубы, наоборот, скорее нежны и осторожны, поэтому уже очень скоро переставшая смущаться и пугаться Ира сама крепко обхватила его за плечи и постаралась прижаться всем телом, чувствуя, что все её существо наполняет несказанное ощущение восторга и счастья.

Проснувшись утром, Ира не сразу поняла, где она. Повернувшись, увидела спящего рядом Дмитрия и разом все вспомнила. Тепло наполнило душу. Это было не сон. Вот он её кумир. Лежит рядом, чуть запрокинув голову и немного приоткрыв рот. И сладко спит. Ира осторожно коснулась рукой мускулистого предплечья. Дмитрий сонно повел пле-

чом, глубоко вздохнул и повернулся на бок, натягивая на себя одеяло. Ира перевела взгляд и оглядела комнату.

В свете разгорающегося утра от вчерашней романтической атмосферы не осталось и следа. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь выцветшие и местами полинявшие гардины, осветили поклеенные дешевыми однотонными обоями стены, потрескавшуюся на потолке побелку и обшарпанный гардероб в углу. Теперь стеклянный столик, окруженный бархатными темно-вишневыми подушками, казался вычурной диковинкой, случайно затесавшейся в столь убогую обстановку.

Может, кто на месте Иры и почувствовал бы себя Золушкой, карета которой в одночасье превратилась в тыкву, но только не она. Ей было абсолютно безразлично, что собой представляет жилище её кумира. Ну какое, право, имеют значение обшарпанные стены и потолок, когда тот, о ком она так долго мечтала, спит рядом настолько близко, что можно коснуться рукой и даже прижаться к нему? Ира вновь пристально посмотрела на него и, придвинувшись ближе, нежно обняла.

Дмитрий сонно пошевелился, потом открыл глаза и поднял на нее тяжелый мутный взгляд:

– Слушай, тебя как зовут?

– Ира, – она обиженно отодвинулась. – Ты что не помнишь ничего что ли?

– Нет, почему же... Помню, помню... ну как же... Ира...

у тебя еще злая тетка, и ты у Борисыча учишься. Я все прекрасно помню, – Дмитрий потряс головой, облизнул губы и просящим голосом продолжил: – Ириш, а ты не притащишь с кухни пивка из холодильника и сигарет? А то голова раскалывается – спасу нет.

Ира, перевесившись с дивана, подобрала свое белье и джинсы с кофточкой после чего, быстро одевшись, босиком прошла на кухню. Найдя в стареньком потертом холодильнике с надписью «Саратов» банку пива, а на столе в углу маленькой кухни пачку сигарет и зажигалку, принесла их Дмитрию.

– Ты моя спасительница, Ириш, – он, дернув кольцо, с жадностью приник к банке, а потом, отбросив её на пол, взял из протянутой пачки папиросу. – А ты-то не будешь?

– Нет, я не курю.

– Вот и молодец. Женщины не должны курить, – откинувшийся на подушки Дмитрий с явным удовольствием затянулся.

Ира с улыбкой наблюдала за ним.

– Пепельницу подай, там... на подоконнике, – он кивнул на занавешенное окно, – и шторы можешь раздернуть.

Ира подошла к окну. Раздвинув занавески, она обнаружила консервную банку со смешно нарезанными и закрученными в колечки краями.

– Эту? – показала она Дмитрию.

– Ага, – тот улыбнулся и, взяв банку, поставил рядом с со-

бой, – вот люблю ее. Мне её ребята на передовой подарили, и который уже год не расстаюсь с ней...

Докурив, он затушил сигарету, поднялся и стал неспешно одеваться.

– Значится так, Ириш, жратвы никакой у меня нет, поэтому уж не обессудь – завтрака не будет, – надевая брюки, проговорил он, – да и денег не особо густо. Единственное что могу предложить – это денег на такси.

– Ты что хочешь меня выгнать? – Ира изумленно посмотрела на него.

– А ты что собираешься здесь у меня навек поселиться? – подняв голову, рассмеялся он в ответ.

Чувствуя, что глаза начинают наливаться слезами, а щеки заливает краска, Ира прижала руки к лицу.

– Эй, ты что? – Дмитрий шагнул к ней и недоуменно тронул за плечо. – Чего это с тобой?

– Тетя меня убьет... – всхлипывая, тихо выдохнула Ира, – как пить даст, теперь убьет...

– Из-за того, что ночевать не пришла? – непонимающе переспросил Дмитрий.

Ира, не отнимая рук от лица, отрицательно затрясла головой:

– Нет. Она не простит мне, что я... что я уже теперь... я ведь никогда раньше... – так и не договорив, она, не сдерживаясь, зарыдала.

Дмитрий нахмурился, шагнул к кровати, откинув одеяло,

долгим взглядом посмотрел на простыню, потом хмыкнул и хрипло проговорил:

– Да уж... связался черт с младенцем... Кстати, ты хоть совершеннолетняя или я еще и в статью вляпался?

– Совершеннолетняя, – сквозь слезы проговорила Ира.

– Ладно, не реви, – Дмитрий шагнул к ней и, притянув к себе, ласково погладил по плечу, – нашла причину по которой реветь. Не убьет тебя никто. Придумаем что-нибудь.

Уткнувшись ему в грудь, Ира обвила его шею руками:

– Я люблю тебя. Очень-очень, – хрипло выдохнула она.

– Ой, Ир, ты знаешь меня всего лишь один вечер. О какой любви может идти речь? Или тебе настолько опостылела твоя тетка, что ты согласна с первым встречным, лишь бы к ней не возвращаться?

– Ты не первый встречный! Я тебя люблю... и потому к тебе за автографом и подошла, что знаю о тебе давно... Как ты не понимаешь? – Ира отстранилась и вскинула на него глаза полные слез.

– Ладно... ладно... пусть давно. Только не реви. Не выношу, когда женщины начинают истерики закатывать. Иди вон в ванную умойся, а я пока в магазин сгоняю, пожрать чего куплю. Позавтракаем, и может в голове прояснится и у тебя, и у меня. А то я соображаю что-то пока плохо, да и ты, видать тоже, раз такими заявлениями про любовь расшвыриваешься.

– Дима, я, правда, тебя давно люблю... – Ира тоскливо

посмотрела на него, слезы ручьем катились по её щекам.

– Все, прекращай рыдать. Ну-ка пошли в ванную! Потом будем разбираться, кто кого любит и как давно, – он вывел её в коридор и, раскрыв дверь ванной комнаты, подтолкнул. – Давай. К моему приходу, чтобы ни одной слезинки, и выглядела чтобы нормально. А то смотреть тошно. Все, я пошел.

Он вышел, и через некоторое время севшая на край ванны Ира услышала, как хлопнула входная дверь.

Включив воду, она умылась и посмотрела на свое отражение в маленьком зеркальце над раковиной. Увиденное её не порадовало. Покрасневшие припухшие глаза, растрепанные волосы. И как она не догадалась даже причесаться с утра, пока Дмитрий спал? Не мудрено, что он сразу её домой захотел отправить. Ну почему она такая несчастливая? Вон тетя, небось, никогда бы не попала в такую дурацкую ситуацию. А вот ей всегда не везет в жизни. Слезы вновь покатались по щекам, а привычная жалость к себе накрыла волной. Однако, бросив взгляд в зеркальце, она испуганно прижала ладони к лицу. Нет-нет, плакать нельзя! Ведь тогда она потеряет последний шанс остаться подле своего кумира. Он же ясно сказал, что не выносит вид плачущих женщин. Она снова стала умываться холодной водой, подолгу держа горсти ледяной воды у закрытых век.

Почувствовав, что лицо замерзло и предательские слезы больше не наворачиваются на глаза, Ира вытерлась пуши-

стым махровым полотенцем и причесалась найденной в ванной расческой.

В это время щелкнул замок входной двери. Ира выскочила из ванной, ожидая увидеть вернувшегося Дмитрия, но в прихожей был не он. Там вешала на плечики модную норковую шубку миловидная блондинка.

Увидев Иру, она улыбнулась:

– Привет!

– Привет, – опешившая Ира воззрилась на незнакомку, не зная, как реагировать на её появление.

– А где Димка? – блондинка заглянула в комнату и вновь повернулась к Ире.

– В магазин ушел.

– Это радует, а то я уж испугалась, что у него снова запой на фоне творческого кризиса. А он, оказывается, утешается несколько иным способом, – нежданная гостья кивнула на неубранное постельное белье на диване. – Что ж, это дает некоторую надежду. Тебя как зовут-то?

– Ира.

– А меня – Нина, – блондинка сунула ей руку, унизанную кольцами и с красивым маникюром. Ира растерянно пожала ее. Все происходившее повергло её в замешательство.

– Ты Димку-то давно знаешь? – Нина решительно прошла на кухню, прошелестев бамбуковой занавеской, и, распахнув дверь холодильника, по-хозяйски оглядела его зияющее пу-

стойкой нутро. – Да, негусто. Но другого и не ожидалось. Так когда вы познакомились?

– Вчера вечером, – прошедшая следом за ней на кухню Ира, нерешительно застыла у стены.

– Вот поражаюсь ему. Как у него получается так легко и быстро баб снимать. И ведь плетет каждой одно и то же, а все слушают, разинув рот.

– Почему одно и то же?

– А не знаю, – блондинка, равнодушно пожав плечами, захлопнула дверку холодильника, – лень ему, наверное, что другое придумывать... Вот ведь наверняка же тебя затащил джаз послушать, в машине «как в служебном романе» с тобой целовался, а потом лапшу про чай всякие на уши вешал, ну и про свои статьи, конечно же... куда ж он без них... Так?

– Ну, в общем, так, – тихо выдохнула Ира, чувствуя, что вновь готова расплакаться.

В это время дверь вновь хлопнула, и из коридора послышался голос Дмитрия:

– Нинка, ты что ль приперлась?

– Я, Димочка, я... собственной персоной, – весело откликнулась блондинка, выходя в коридор.

– И какого ляда тебе нужно от меня?

– Димка, нехорошо так подставлять товарищей. Шеф рвет и мечет, ты сбиваешь ему всю сетку вещания. Мне пришлось ишачить две смены подряд.

– А мне с того какая печаль?

– Димка, ну что ты уперся рогом? Вот нет у него возможности менять направленность станции. Нет! Понимаешь? Ни владельцы, ни спонсоры не поймут. И вообще, вот если не опубликовали твою суперразгромную статью о невыплатах военным, и ты расплевался с издательством, ну скажи на милость, причем здесь наша радиостанция? Хочешь вести политическую программу, найди станцию с подобной направленностью и дерзай. Это ведь можно делать в параллель. Вот зачем это место бросать и демонстративно дверью хлопать? К тому же ты пока все равно не нашел еще ничего другого. Так чего фортели выкидываешь? Питаться что – святым духом намерен? Вон холодильник пустой, за душой лишь камера, недавно тобой купленная, а больше ведь ничего.

– А я по контракту куда уеду. Корреспонденты моей специализации всегда в цене.

– Может и в цене. Не спорю. Но пока контракта ты не заключил никакого, может, помурлыкаешь в эфире еще месячишко-другой, а? Ну, Димка, ну что тебе стоит? Ведь и деньги шеф хорошие дает и график удобный. Ну что ты ломаешься, как красна девица?

– Ой, Нинка... а тебе-то с того какая радость? Что ты так обо мне печешься?

– Ну, во-первых, мы с тобой не совсем чужие, с год-то, небось, а то и больше в одной постели кувыркались, и я волнуюсь за тебя. А во-вторых, шеф считает, что ты делаешь неплохой рейтинг радиостанции, и попросил меня по-

стараться тебя уломать.

– Вот за что я люблю тебя, Нинка, что у тебя никогда никакого двойного дна. Все по-честному и в лоб. Я вот только поражаюсь, как шеф терпит рядом с тобой твоего бывшего и сам тебя к нему посылает.

– У него широкие взгляды, Дим. И работа для него важнее, какой-то там ревности.

– То есть он не против тебя и подложить под кого, если то на благо делу пойдет?

Вышедшая в коридор Ира удивленно замерла. А блондинка тем временем заливисто расхохоталась:

– Я свободная женщина, Димочка. Неужто забыл? Я делаю только то, что хочу, а уж партнеров тем более выбираю лишь на свое усмотрение. Хотя то, что куснуть пытаешься – приятно, не безразлична еще значит...

– Ладно, извини, Нинок, это я просто с утра соображаю плохо... – Дмитрий поморщился и отвел взгляд, – да и простить твоему дражайшему никак не могу, что он отказал. Вот на тебе отыгаться и попытался. Еще раз – извини.

– Да проехали, Дим. Я и не обиделась вовсе, – Нина тряхнула своей роскошной шевелюрой, – а если кофе напоишь да зажевать чем-нибудь дашь, то тем более зла держать не стану.

– Дам. Я две пиццы принес. На всех хватит, – Дмитрий поднял со стоящей в углу тумбочки, две большие коробки и повернулся к Ире. – Ир, а ты чего опять полными слез гла-

зищами хлопаешь? Нинка что ль тебя чем напугала или что?

– Ничем я её не пугала. Лишь честно предупредила, что ты бабник, каких поискать, и всех девок снимаешь по годами отработанной программе, – тут же откликнулась та.

– Ну так уж и бабник, – Дмитрий недоверчиво хмыкнул.

– А кто еще? Ты ж ни одной юбки мимо не пропустишь, – убежденно проговорила блондинка.

– Это потому, что я не нашел ту единственную... но если я пойму, что встретил именно ее... – Дмитрий мечтательно закатил глаза.

– Это ты кому мне или ей, – Нина кивнула на нервно теребящую руки Иру, – мозги пудришь? Если мне, то не старайся. Я свою долю пудры уже получила. На всю жизнь хватит. А вот если ей, то не смею мешать – флаг тебе в руки. Дерзай, дорогой товарищ.

– Нинка, и что у тебя за язык? Вот змеюка ты просто ядовитая, – раздраженно проговорил тот. – Хватит. Еще одно слово в подобном стиле и пиццы ты не получишь, да и кофе тоже. Вот за дверь тебя выставлю и еще ключи отберу.

– Ну уж, нет, – Нина решительно забрала у него из рук коробки и пошла на кухню, – дудки тебе, дорогой товарищ. Не для того я тащила через весь город, чтобы ты меня, даже кофе не напоив, выставил за дверь.

Они сидели втроем на маленькой кухне и молча ели пиццу, запивая свежесваренным кофе.

– Ну так как? – делая последний глоток и отставляя чашку, спросила Нина. – К эфиру тебя ждать или не стоит?

– Не знаю, Нин, – Дмитрий поморщился, – деньги, конечно нужны, но ты ведь знаешь, я никогда не шел на попятную.

– Дим, шеф это тоже знает, поэтому и послал меня. Чтобы я объяснила: он принял бы все твои условия, если бы мог. Но ты требуешь невозможного. Он не может сменить тематику. Поэтому давай сделаем вид, что вы ни о чем не разговаривали. Вернее разговаривали, но не о новой тематической программе, а об увеличении твоей зарплаты. Он предлагает плюс двадцать процентов, если подпишешь контракт на год.

– Он хочет на год связать мне руки? – в негодовании Дмитрий привстал.

– Нет, это лишь предложение, – Нина сделала примиряющий жест рукой. – Он не против сохранить ту же ставку, если ты оставляешь за собой право уйти в любой момент.

– Я подумаю, – вновь севший Дмитрий мрачно хмыкнул.

– Так к эфиру тебя ждать?

– Да, я приеду.

– Это радует, – улыбнулась белокурая красавица, – особенно меня. Потому что трубить у микрофона две смены – радости мало. Не уговариваю принять предложение о контракте, ты все равно все сделаешь по-своему, но подумай хорошенько. Двадцать процентов – хорошие деньги, – она поднялась из-за стола. – Пойдем, проводи меня, – после чего кивнула Ире: – Счастливо оставаться, – и, дождавшись от-

ветного кивка, вышла.

Дмитрий вышел следом, и Ира осталась на кухне одна. Мысли путались, и она никак не могла решить как себя вести дальше и что делать. Неужели действительно Дмитрий бабник, как сказала нежданная гостья, и она лишь одна из многих в чреде его партнерш, о которой он тут же забудет? Нет, не может быть. Ведь он сам ей вчера говорил, что он впервые повстречал такую женщину, как она. Возможно, такое было раньше, что он часто менял партнерш, а теперь с ней все будет иначе. Она докажет, что ему нужна только она и никто другой. Потому что ей нужен только он. Такой уверенный, нежный, добрый и в то же время властный и мужественный.

– Успокоилась? Не будешь больше истерики закатывать? – вернувшийся в кухню Дмитрий весело подмигнул ей. – Ты смотри у меня, начнешь еще слезы лить – тут же за дверь выставлю. Поняла?

– Поняла, – Ира испуганно кивнула.

– Тогда давай спокойно обсудим сложившееся положение, – он сел напротив нее, облокотившись на стол.

– Давай, – вновь кивнула Ира.

– Возвращаться к тетке ты не хочешь, как я понимаю. Так?

– Так.

– И готова жить со мной здесь, в этой халупе, лишь бы не к ней.

– Я не из-за этого, – Ира обиженно поджала губы, – я люб-

лю тебя. Давно уже люблю.

– Так, про любовь мы выясним чуть позже. Сейчас давай разберемся с твоей теткой. Она действительно не воспринимает, что ты взрослая самостоятельная девушка, у которой может быть личная жизнь?

– Она меня убьет. Если я вернусь к ней, она все обо мне узнает и точно убьет, – упрямо повторила Ира.

– Почему? Вот, во-первых, откуда она узнает, если ты ей не скажешь? А во-вторых, у нее что, у самой никого не было и нет?

– Она узнает в любом случае. И у нее действительно у самой никого нет. Она считает это недопустимым. Она даже мать мою осуждала, хотя мама замуж вышла, и у них с отцом все по закону было, – Ира нервно сцепила перед собой руки, сжав их до боли в суставах.

– Она что мужчин совсем не приемлет?

– Совсем, – согласно кивнула Ира, – она считает, их надо держать на расстоянии, идти к своей цели и быть самодостаточной.

– То есть она вообще не общается с мужчинами?

– Почему вообще? Она общается с ними. Причем много и очень даже мило, но я твердо знаю, что ни одному из них она не позволит то, что позволила я... – Ира нервно сглотнула и потупилась.

– Почему ты в этом так уверена? Веришь ей на слово?

– Нет, я просто знаю, что она никогда не согласится дар

свой потерять.

– Дар? Какой дар?

– Тетя у меня ведунья. Это семейное. Она может предсказывать будущее и видеть прошлое. Поэтому я и не сомневаюсь, что она все узнает обо мне...

– А ты значит, дар свой согласилась потерять? – Дмитрий испытующе посмотрел на нее.

– Я люблю тебя. Почему ты мне не веришь, что я тебя люблю? – Ира вскинула на него глаза вновь полные слез.

– О! Только вот этого больше не надо. Я ведь просил! Вот если любишь, то слезы мне тут не лей больше.

– Не буду, – Ира поспешно отерла глаза руками, – не буду. А ты меня, получается что, совсем не любишь?

– Ира! Вот как я тебе могу ответить на этот вопрос, если даже суток еще не прошло, как я впервые увидел тебя? Ты симпатичная милая девушка. Чистая и неискушенная. Но в отличие от тебя, я знаю о тебе совсем недавно и немного. А ты хочешь, чтобы я сразу сказал: люблю или нет.

– Но бывает же любовь с первого взгляда... ты сам вчера говорил, что никогда таких, как я, не встречал.

– А я и не отказываюсь от этих слов. Каждый человек индивидуален, и вторую, такую как ты, найти просто нереально.

– То есть ты ничего не чувствовал, когда затащил меня в свою постель? – по щекам Иры вновь заструились слезы, и она закрыла лицо ладонями.

– Ну вот... опять... а обещала не плакать, – Дмитрий встал и шагнул к ней. Затем, притянув к себе, обнял и стал нежно гладить по плечам, – ну все-все... прекращай. Я не говорил, что ничего не чувствовал. Если бы ничего не чувствовал, то и тебя куда бы не потащил, как ты выражаешься. Ты меня притягиваешь. Ты необычайно мила и обаятельна, только вот назвать это любовью я бы пока не рискнул. Кстати, не только мои чувства, но и твои. Вот что ты обо мне знаешь? По сути: ничего, кроме того, что я умею писать хорошие статьи, которыми ты восхищалась. А я ведь могу оказаться совсем не таким, каким ты себе нарисовала в воображении. Мое обиталище, как видишь, хоромами трудно назвать, да и характер у меня не из лучших... Так что погодила бы ты с головой-то в чувства кидаться. Может, повстречаемся, узнаем друг друга получше, а там и видно будет? А с тетей твоей я поговорю и вопрос улажу. Не убьет она тебя.

– Нет! Только не с тетей! Я лучше на вокзал жить пойду! Но к ней не вернусь! – Ира высвободилась и, отпрыгнув от Дмитрия, с вызовом посмотрела на него.

– Как ты раскипятилась, услышав о тетке-то... Видно, и вправду, достала она тебя, – он усмехнулся, – зато слезы сразу высохли. Ладно, не надо ни на какой вокзал. Живи здесь. Может, поживешь со мной малость и сама еще к тетке запросишься. Характер у меня, как я уже сказал, не сахар.

В этот день на курсы Ира не пошла. Съездив домой в отсутствие тети, она собрала свои вещи и, оставив на столе записку, что ушла и возвращаться не намерена, вернулась в квартиру Дмитрия. Открыв дверь ключами, которые он ей дал, Ира обнаружила, что его уже нет, а на столе лежат деньги и записка: «Ириш, это все деньги, что могу оставить на хозяйство. Зарплата лишь через неделю. Приду поздно».

Она пересчитала деньги. Столько ей оставляла тетя на день, от силы на два. Прожить на них неделю было трудно. Но Ира решила не унывать, она станет покупать не дорогие полуфабрикаты, а что-то более дешевое и возможно у нее получится растянуть выделенные ей финансы на неделю и предстать перед любимым в виде хорошей и рачительной хозяйки.

Сложив свои вещи в шкаф, она отправилась в магазин. В отличие от обыкновения сейчас у нее не было раздражения, которое вызывали походы в магазины, особенно в незнакомые. Напротив, настроение было приподнятое. Ведь она шла покупать продукты для своего кумира, а всем известно, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Сейчас она приготовит ему что-нибудь вкусненькое, и он сразу поймет, какая из нее может получиться замечательная и чудесная жена.

Побродив по ближайшему универсаму, Ира пришла к выводу, что самым простым, вкусным и дешевым будет, если

она пожарит курицу и отварит картошку. Купив все необходимое, она вернулась и занялась приготовлением ужина.

Курица у нее вышла замечательно: сочная с румяной, поджаристой корочкой, да и картошка тоже не подвела – получилась рассыпчатая и очень аппетитная на вид. Улыбаясь сама себе, она мурлыкала под нос песенку, даже не сожалея о том, что эфир с Дмитрием послушать не смогла – она забыла спросить есть ли у него радиоприемник и если имеется, то как его настраивать. Ведь скоро он сам появится здесь, на этой маленькой кухне, и она сможет в полной мере насладиться общением с ним.

Словно отвечая на её радостное предвкушение, в коридоре хлопнула дверь, и раздался бодрый голос Дмитрия:

– Иришка, это никак ты хозяйничаешь? Запах курицы чувствуется аж на лестнице. Ну-ка скажи, что мне это не снится.

– Нет, не снится, это и правда я приготовила курицу, – улыбаясь, Ира выскочила в маленькую прихожую.

– Так ты оказывается, кулинарка. Здорово! – Дмитрий даже не снимая пальто подхватил её за талию и со смехом закружил. – Выходит, я не прогадал, похитив тебя из плена злобной тетки. Голодной смертью теперь не умру.

– Ой, Дим... – глаза Ирины искрились от счастья, – конечно не умрешь. Я не позволю тебе умереть! – она обвила руками его шею и прижалась губами к холодной щеке. – Я так люблю тебя... Как же я могу дать тебе умереть?

– Вот и славно, – он осторожно поставил её на пол и разжал руки, – кстати, это хорошо бы отметить, и у меня даже есть чем.

Он достал из внутреннего кармана бутылку белого сухого вина, и Ира наконец поняла что ей так неудобно упиралось в бок, когда он кружил её в коридорчике.

– Ты купил вино. Как мило – улыбнулась она, забирая бутылку из его рук.

– Нет, не я. Нинка подарила. Я пошел у нее денег стрельнуть до зарплаты, а она еще и на бутылку расщедрилась. Сказала – специально для тебя. Ты ей очень понравилась. Так что ты сегодня полноправная хозяйка банкета, – пристроив свое пальто на вешалке, он обернулся к ней: – Давай, к столу приглашай. Я голодный как волк.

– Конечно, пошли скорее. У меня все горячее, – осторожно сжимая бутылку в руках, проговорила Ира, не зная радоваться или печалиться подарку бывшей девушки Дмитрия и тем непринужденно-легкими отношениями, которые у них сохранились.

Однако долго размышлять ей не позволил Дмитрий. Быстро вымыв руки, он тут же забрал из её рук бутылку, открыл и, разлив вино по стаканам, улыбнулся ей:

– За все хорошее, что есть сегодня, и чтобы завтра было еще лучше.

Чокнувшись, они выпили и сели за стол.

– О, вид просто божественный, ничуть не хуже дразняще-

го аромата. Сейчас и вкус заценим, – Дмитрий придвинул к себе тарелку и с аппетитом принялся за еду.

Ира не столько ела, сколько с удовольствием наблюдала за ним. Приятное тепло от вина разлилось по всему телу, и она ощущала себя счастливейшей из смертных. Свет маленького кухонного светильника под матерчатым абажуром создавал некую интимность и камерность обстановки, а вид мерно жующего Дмитрия рождал в её душе чувство семейной близости и единения с ним.

– Иришка, ты чудо, – через какое-то время, утолив первый голод, но все еще с набитым ртом, пробормотал он, – за это тоже неплохо бы выпить, – он разлил остатки прозрачного напитка, загадочно мерцающего в неярком свете. – За тебя, Ириш. За твою способность создавать уют и вкусно готовить. Это дано немногим. Сейчас женщины эмансипировались и всячески стремятся сбежать от семейного быта и домашних обязанностей. А у тебя такого нет. Ты истинная женщина. Такая, какой и задумал женщину Бог. Как Ева. Одним словом: за Еву в твоём лице!

Они вновь чокнулись.

– Спасибо. Мне так приятно... – Ира разом зарделась и, почувствовав это, смутилась еще больше. Лишь мысль о том, что в полумраке это не должно быть сильно заметно, несколько успокоила ее.

– А, не за что... это правда. Что за правду благодарить? Ты не благодари, ты лучше еще кусочек курицы подложи, –

он лукаво подмигнул ей.

– Да... ой... конечно... извини, – Ира, отставив стакан, метнулась к сковородке, стоящей на плите, и доложила ему в тарелку все остатки курицы.

– Вот это другое дело, – Дмитрий улыбнулся и вновь принялся за еду.

Ира с радостью погрузилась в новые для себя отношения, примеряя роль хозяйки и подруги жизни. Она забросила курсы, полностью погрузившись в домашние хлопоты. Денег на хозяйство Дмитрий давал ей не особенно много, но она старалась расходовать их рачительно и всегда встречала его вкусным горячим ужином в намытой до блеска квартире. Правда, несмотря на все Ирины усилия Дмитрий часто задерживался с друзьями допоздна и приходил домой изрядно подшофе или вовсе не появлялся ночевать. Ира переживала и плакала втихомолку, но вслух своему возлюбленному никаких претензий не высказывала, боясь, что он разозлится и выгонит ее. А через пару месяцев Ира поняла, что беременна. Это открытие вызвало у нее достаточно противоречивые чувства. С одной стороны носить под сердцем ребенка от любимого человека было радостно, но пугало как он прореагирует на это известие.

Несколько дней Ира боялась рассказать Дмитрию, что в скором будущем он станет отцом, но наконец, выбрав удобный момент, призналась.

– Ир, ты шутишь? – он, чуть нахмурившись, вопросительно посмотрел на нее.

– Нет, Дим, я абсолютно серьезно, – Ира нервно сглотнула и села на краешек дивана.

– Черт, ну да... ты ж небось ни фига не предохранялась... вот ведь засада... Слушай, а срок какой? – он шагнул к ней и замер напротив.

– Не знаю... А что это важно?

– Ир, ну ты как с луны... – недовольно повел он плечом. – Конечно, важно. Аборт на большом сроке всегда проблема.

– Дим, ты что говоришь? Какой аборт? Я не хочу аборт... Неужели ты не хочешь ребенка? Это же будет твое продолжение... твоя кровиночка... – в глазах Иры заблестели слезы.

– Тихо-тихо... только плакать не надо, – он сел рядом и, осторожно обняв, притянул к себе. – И на чувства давить не надо. Надо трезво оценивать ситуацию и наши возможности. Вот ты посмотри вокруг: это съемная квартира. У меня даже угла собственного нет, как впрочем, и у тебя. Так о каком ребенке сейчас может идти речь? Вот не сегодня – завтра у меня с работой что или хозяйка квартиры откажет нам... И что дальше? Мы с ребенком на улице? Ты как это себе представляешь? Нет, о детях можно думать, когда есть квартира,

стабильный заработок, уверенность в завтрашнем дне... Вот тогда можно задумываться и о детях.

– Дим, я бы рада не задумываться, но он же уже появился. Как же теперь о нем не задумываться?

– Не пугай меня, не надо. Он пока еще не появился и появится только в том случае, если мы этого захотим. А пока он лишь в проекте, и в наших силах этот проект изменить.

– Дим, я не хочу ничего менять. Раз так случилось, то значит на то воля Божья. А убийство ребенка – грех!

– Вот только не надо мух с котлетами путать, и волей Бога свою безграмотность в вопросах предохранения прикрывать. Сейчас не 18 век, когда женщины рожали каждый раз, как мужик их приласкает. Сейчас рожают тогда, когда детей завести хотят, а не в кровати покувыркаются. Так что не надо! – он отстранился и резко встал. – И вообще, что-то мне так кажется, что тебе очень хочется с помощью этого ребенка хомут мне на шею нацепить... Тебе мало показалось, что сама мне на шею села и ножки свесила, решила еще дополнительную обузу повесить и лозунгом «отказываться от такой обуви – грех» посильнее к себе привязать? Так?

– Дим, что ты такое говоришь? С чего ты взял, что я села тебе на шею?

– А что ты сделала? Что? Ты не работаешь. А теперь даже не учишься – типа зачем утруждаться, когда нашелся такой лох, что будет обеспечивать по гроб жизни... И как это называть по-другому?

– Я думала: у нас семья... – всхлипывая, проговорила Ира.

– Семья – это в смысле ты мне еще пятерых нарожать хочешь, чтоб нас семеро было или как?

– Дим, ну не издевайся... пожалуйста... Ты же все понял... – Ира сквозь слезы с мольбой посмотрела на него.

– Не строй мне такие глаза! – он раздраженно поморщился. – Хочешь намекнуть, что я бессердечная скотина, который взял невинную девушку, обрюхатил, а теперь жениться отказывается? Намек понял. Да, я именно такая сволочь и есть. Ну не могу я, не могу сейчас повесить себе на шею такой хомут в виде ребенка. Не могу! Понимаешь? И вообще... – он в раздражении зашагал по комнате, – я творческая личность. У меня планы... Я вот не сегодня – завтра контракт подпишу и уеду... Это же призвание! А ты говоришь: ребенок... Ну какой ребенок может быть, если не известно вернусь ли я из очередной командировки живым или нет... Так, все, Ир, – он остановился напротив нее и решительно рубанул рукой воздух. – Ни о каком ребенке не может быть и речи! Я, конечно, виноват, что не предусмотрел, что ты такая отсталая во всех этих вопросах, но я постараюсь исправить, что в моих силах. Я найду тебе денег на супер-клинику, чтобы все было по высшему разряду, и у тебя бы в будущем никаких проблем не возникло.

– Дима... я не хочу убивать нашего ребенка, – Ира, наклонилась к коленям и уткнула лицо в руки, пытаясь сдержать

подступающие к горлу рыдания.

– Все! Прекрати истерики закатывать! – Дмитрий, наклонившись к ней, подхватил на руки и понес в ванную. – Сейчас умоемся и чтоб больше не слезинки! Терпеть не могу рыдающих женщин! – он усадил её на край ванны и включил воду. – Умывайся давай, успокаивайся и давай ложиться спать. Утро вечера мудренее. Завтра все окончательно решим.

Уже в постели, уткнувшись ему в плечо, Ира перебирала все возможные доводы, которые скажет утром, чтобы переубедить и объяснить то, что ей с детства внушала мать, что если Господь дает детей, то дает и силы их вырастить.

Однако проснувшись утром, рядом с собой она Дмитрия не обнаружила. Не было его и на кухне. Лишь на столе лежала записка: «Буду к пяти». Ни тебе «Ириша», ни «котенок», как он иногда ласково её называл, ни даже «целую» как обычно в конце. Ира села на стул, и слезы вновь заструились по щекам. Страх липкой паутиной опутал душу. Неужели, чтобы остаться рядом с ним, ей придется отказаться от того, кто, не спрашивая никакого её согласия, поселился внутри... С одной стороны она уже любила своего еще не рожденного ребенка, ведь он частичка её Димочки, его продолжение, у него наверняка будут такие же выразительные глаза и такой же упрямый подбородок... А с другой стороны, она чувствовала, что идти наперекор воли любимого она не сможет, так

как безумно боится его потерять. Мысли путались, а сердце от боли рвалось на части.

Чтобы хоть как-то отвлечься, она занялась привычными домашними делами, и к пяти вечера она вымыла всю квартиру, сварила суп и пожарила котлеты с картошкой.

В отличие от обыкновения Дмитрий не задержался, и едва она успела снять сковородку с плиты, в коридоре щелкнул замок.

– Димочка, иди скорее мой руки, у меня все горячее, – прокричала она ему с кухни, в тайне надеясь, что вкусная еда хоть как-то сможет изменить ситуацию в её пользу.

– Некогда есть, – Дмитрий не раздеваясь прошел на кухню. – Давай по-быстрому собирайся. Машина внизу, я отвезу тебя к тете, а потом у меня эфир, и я уезжаю.

– Как уезжаешь? Куда? – растерянно переспросила Ира.

– Я подписал контракт. В ночь у меня поезд.

– А почему я не могу остаться здесь? Зачем и мне уезжать? Димочка...

– Не надо истерик! – резко оборвал её он. – Я не могу оплачивать квартиру в мое отсутствие. К тому же хозяйка квартиры в коридоре. Ждет ключи. Не надо при постороннем человеке устраивать разборки.

– Как в коридоре? – смятению Иры не было предела. – Но тут же и твои вещи...

– Моих вещей тут раз, два и обчелся. Ради них квартиру держать не резон. Давай, пошли, я помогу тебе собраться.

– А ужин?

– Забудь о нем.

Все остальное происходило для Иры как во сне. Она была настолько ошарашена, что даже до конца не осознавала, что делает и что происходит. Очнулась она только, когда Дмитрий выгрузил из такси её вещи у подъезда тети и пихнул в руку объемный конверт:

– Здесь столько, что должно хватить на лучшую клинику. Думаю, тетя поможет тебе найти хорошего специалиста. Судя по отзывам Борисича, она дамочка хваткая. Так что все будет хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.